

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 52 (759)

20 сентября 1938 г., вторник.

Цена 30 коп.

ЗА ИДЕЙНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ!

Вчера «Правда» опубликовала XII главу и заключение История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Центральный Комитет партии, товарищи Сталин создали классический научный труд, рисующий славный путь борьбы коммунистической партии большевиков. Многолетний опыт борьбы партии за коммунизм, борьбы против народничества, меньшевизма, троцкистско-бухаринского хвоста с замечательной силой изложен в учебнике. История ВКП(б) учит творческому пониманию марксизма-ленинизма, ориентирует в сложнейших переплетях классовой борьбы.

Теория — руководство к действию, сильнейшее оружие в боях за коммунизм. «Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, — пишется в заключении, — что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем».

Что значит овладеть марксистско-ленинской теорией — наукой о строительстве коммунистического общества? Это значит усвоить сущность этой науки и научиться пользоваться этой наукой в различных условиях классовой борьбы.

Учебник по истории ВКП(б) нанес меткий удар по неправильному, меньшевистскому подходу к революционной теории, по начетчикам, которые думают, что овладеть марксистско-ленинской теорией значит уметь во-время цитировать отдельные положения из произведений Маркса—Энгельса—Ленина. Начетчики полагают, что можно зазубрить отдельные выводы и положения и что, мол, они пригодятся на все случаи жизни. Ленин и Сталин всегда учили партию, народ творческому пониманию революционной теории.

Тов. Ленин и тов. Сталин всегда учили партию уметь различать буржуа и сущность теории. Тов. Ленин и тов. Сталин всегда учили партию уметь обогащать революционную теорию новым опытом революционного движения, обогащать новыми положениями и выводами, уметь «...развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, изменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке».

Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию. Вся история славной борьбы коммунистической партии Ленина—Сталина есть это обогащение революционной теории новым опытом революционного движения, пример обогащения и развития революционной теории.

Большевики всегда стояли на позициях творческого марксизма.

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленини, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, — говорится в заключении, — которые двигали вперед марксистскую теорию и обогащали ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата».

И именно потому, что Ленин и ленинцы двигали вперед марксистскую теорию, ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, марксизмом в новых условиях классовой борьбы пролетариата, марксизмом эпохи империализма и пролетарской революции, марксизмом эпохи победы социализма на одной шестой части земли».

Историю Всесоюзной Коммунистической партии большевиков будут изучать в нашей стране миллионы партийных и непартийных большевиков.

Партия призывает всех своих членов к овладению марксистско-ленинской теорией. Особо серьезные задачи стоят перед парторганизациями в среде писателей, и издательство художественной литературы.

Литература — сложнейший фронт классовой борьбы. История Коммунистической партии учит литераторов распознавать врагов, вооружает к беспощадной борьбе против капиталистов и предателей.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) обогащает литераторов опытом революционной борьбы, учит ориентироваться в обстановке, предвидеть ход событий.

Нужно признать, что дело партийной пропаганды в партийных организациях союза писателей, издательств было поставлено неудовлетворительно. Крайне несерьезно подбирались пропагандисты, нерегулярно работали кружки. Партийная учеба носила схоластический, начетнический характер и весьма мало была связана с изучением опыта борьбы партии.

В качестве примера можно указать, что партийное просвещение в издательстве «Молодой гвардии» было передано человеку, ныне исключенному из партии.

Партийным организациям следует усвоить, что там, где неудовлетворительно поставлено дело партийной пропаганды, там неудовлетворительно поставлена вся партийная работа.

Необходимо сейчас же, по-деловому, без шумихи, начать подготовку пропагандистов, серьезно подготовиться к изучению истории партии.

Большевистская энергия, инициатива, чувство ответственности — условия, при которых партийные организации сумеют выполнять ответственнейшее задание партии.

Сегодня Энтону Синклеру 60 лет

Приветствие союза советских писателей

Дорогой друг и соратник по перу — Энтон Синклер!

Президиум Союза советских писателей СССР сердечно поздравляет Вас с днем Вашего шестидесятилетия.

Мы рады приветствовать Вас как писателя, которого хорошо знает советский читатель.

Ваши книги разошлись у нас в миллионах экземпляров, на одном русском языке — около 3 миллионов. Семь раз выпущены были переводы собрания Ваших сочинений. Некоторые из Ваших лучших книг выдержали многочисленные издания: «Сто процентов» — 20 изданий, «Джунгли» и «Король Уголь» — по 22 издания, «Джимми Хитгинс» — 24 издания. Отдельные Ваши книги вышли тиражами в сотни тысяч экземпляров; например, «Джимми Хитгинс» — больше 400 тысяч, «No rasagan» — больше 300 тысяч, «Король Уголь» и «Джунгли» — больше 200 тыс. экземпляров.

Мы ценим Вас как художника за искренность Ваших произведений, за разоблачение яза капиталистического строя, за симпатию к эксплуатируемым.

Мы поддерживаем Ваш обвинительный акт против врага культуры и человечества — против фашизма — и разоблачение его преступных зверств, разоблачение, которое мы находим в Ваших последних произведениях.

Мы ценим Вас за симпатию к борцам антифашистского фронта, за то, что Вы — участник этого фронта — своими книгами поднимаете массы для уничтожающего отпора фашизму.

Заслуживает высокого уважения писатель, который делом всей своей жизни поставил задачу не допустить фашизма в своей стране, как это сделали Вы.

Вы, много раз возвышавший свой голос писателя против королей нефти, угля, автомобилей и других, против «наемных похлебков», против бешеной подготовки к новой мировой войне, Вы поляри роль СССР в деле борьбы за идеалы человечества, за культуру, за благополучие масс и за мир.

Мы приветствуем Вас как славного художника, связавшего свою литературную работу с борьбой за культуру, за цивилизацию, за демократию, против союза германоязычного фашизма и японской фашистской военищины, за скорейший разгром мирового фашизма.

Желаем Вам еще долгие годы быть на боевом посту писателя-обличителя, писателя-борца.

Н. ВИРТА, В. ГЕРАСИМОВА, В. НАТАЕВ, А. КАРАВАЕВА, М. КОЛЬЦОВ, П. ПАВЛЕНКО, Е. ПЕТРОВ, Л. СОЛОВЕВ, А. ТОЛСТОЙ, К. ТРЕНЕВ, А. ФАДЕЕВ.

ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПИСАТЕЛЮ

25 сентября в Союзе писателей состоится большой вечер, посвященный жизни и творчеству американского писателя. Такой же вечер организуется в Государственной центральной библиотеке иностранной литературы. К вечеру приурочиваются открытие специальной выставки, на которой будут экспонированы книги Синклера, издаваемые на английском языке и на языках народов СССР, а также биографические материалы.

Жизненный путь Энтон Синклера — это одновременно путь великого публициста и великого писателя. Он стал писателем в эпоху, когда пробуждение политического сознания народных масс Америки определило направление новой американской литературы. Социалистическая партия становилась влиятельной силой. Линкольн Стаффенс занимался расследованием продажности политических деятелей, Драйвер разоблачал моральное разложение горюлов, Теодор Рузвельт давал обещания обучать тресты, а Уот Уитман стал признанным учителем молодых американских поэтов.

В 1906 г. появился роман Синклера «Джунгли». Эта замечательная книга была прямо по цели. Писатель рассказал все, что ему было известно о мошенничестве, грабеже и убийстве, на которых построены крупные состояния американских промышленников. Полными негодования словами описал он бесчеловечное отношение хозяев к рабочим и жалкий обман потребителей. Книга произвела сенсацию, главным образом потому, как говорил Синклер, что задела публику за живое. Это был удар по жеманству. Влияние «Джунглей» на поколение того времени и на два последующих поколения американских писателей, студенчества и рабочих было необычайно велико.

После «Джунглей» Синклер пошел по несколько извилистому пути. У него не было ясного критического мировоззрения. Социалистическая партия, хотя и являлась большой воспитательной силой, но была непоследовательна в своей политике. Синклер писал публицистические статьи, написал несколько романов, увлеклся опытом в области кооперативного движения. Так было до мировой войны и Октябрьской революции в России.

Произведения Энтон Синклера приобрели широкую популярность в нашей стране. Только на русском языке в СССР вышло 234 книги тиражом около 3 млн. экземпляров. Отдельные произведения выпущены на украинском, армянском, грузинском, таджикском, белорусском, еврейском, карельском и других языках народов СССР. Недавно на русский язык переведены последние произведения писателя «No pasaran!» и «Автомобильный король».

Энтон Синклер непрерывно поддержива-

ет связь с советскими писателями и читателями его произведений в СССР. Недавно он обратился в редакцию журнала «Интернациональная литература» с предложением написать совместно с одним из советских писателей большой роман «Красное золото». Предложение принято т. П. А. Павленко. Роман будет состоять из двух частей — первую, посвященную Америке, напишет Синклер, и вторую, посвященную Советской Сибири, — Павленко.

Э. Броудер о новом романе Энтон Синклера

В «Дейли уоркер» (Нью-Йорк) помещен отзыв Э. Броудера, генерального секретаря американской коммунистической партии, о новом романе Энтон Синклера «Малая сталь».

— Писатель, который своими пламенными призывами к справедливости оказал влияние на миллионы людей в Америке и в Европе, произведения которого так широко распространены среди переходной молодежи Советского Союза, занимает почетное место в нашей культурной жизни, — говорит Э. Броудер. — Синклер-человек и Синклер-писатель может сыграть выдающуюся роль в объединении американского народа для борьбы против реакции.

Новый роман Синклера «Малая сталь», в котором дано острое изображение методов классовой борьбы в современной Америке, Броудер оценивает как выдающееся явление американской литературы.

В этом романе, как и в большинстве своих книг, Синклер описывает действительные события. Популярность Синклера, известного миллионами читателей, не уменьшалась с тех пор, как его книга «Джунгли» потрясла оба континента и побудила президента Теодора Рузвельта предпринять официальное расследование Чикагского мясного треста.

Роман «Малая сталь» печатается теперь в «Дейли уоркер» и многих других рабочих газетах. Популярность Синклера не мало способствует массовому распространению рабочей прессы. А широкое распространение газеты «Дейли уоркер» влечет за собой выборы, отмечает Броудер, является жизненной необходимостью прогресса, а не реакцией. Читатель роман Синклера одним из средств нашей избирательной кампании. Используя для «Дейли уоркер» новые тысячи читателей, А «Дейли уоркер» поможет нам вести кампанию за победу прогресса.

Писатель борец

САЙМОН УЭЛЛС

Вначале Синклер ратовал за поддержку союзников, но довольно скоро раскаялся в своем увлечении и выразил это в «Джимми Хитгинсе» (1918 г.) — повести о социалисте, который послушно сражается на войне, но востал, когда его отравили в Сибирь бороться с русскими рабочими.

В 1917 г. появился синклеровский «Король Уголь», в котором дана яркая, сильная картина «города рабов» среди угольных копей Колорадо. Затем последовали «100%» — повесть о патриоте (1920 г.) и ряд публицистических книг, в том числе два «гигантских памфлета»: «Гусинный шаг» — исследование об американском образовании (1923 г.), и «Гусинный шаг» — исследование об американских школах (1924 г.). Синклер основал собственный журнал, в котором уделял много внимания социализму и рабочему движению. В 1927 г. появился его новый роман «Нефть» и этот о влиянии денег на литературу «Деньги шутят», за ними последовали «Бостон», в котором Синклер рисует лето Сакко и Ванцетти, вскрыл лицемерие бостонского общества и показал его моральное разложение.

В последующие годы Синклер вновь увлекается кооперативной деятельностью (роман «Копы», 1936 г.). Затем появляется «Мокрый паразит» — книга, рассматривающая вопрос о спиртных напитках. Наконец в 1937 г. Синклер вступает в бой за испанскую демократию повестью «No pasaran!» («Они не пройдут»). Она из последних его книг — «Автомобильный король» показывает, что талант его находится еще в пору наивысшего расцвета.

Синклер нередко во многом заблуждался. Но, как всякий истинный демократ, он твердо верил в то, что разум и воля рабочих могут создать лучший мир. Непокоримая вера в народ дала ему силу бороться с ложью, предрассудками и невежеством буржуазной прессы, литературы, школы, глубокой косякостью некоторых политических деятелей и представителей науки: эта вера ставила его на собственные средства называть и распространять свои книги, бойкотировались буржуазными издателями; эта вера сделала его ревностным защитником Советского Союза и дала возможность смотреть в будущее с радостным сознанием, что борьба закончится неминуемой победой.

Синклер никогда не забывает о тщательной отделке и художественной законченности своих книг, ибо он всегда был слишком поглощен новыми, возникающими перед ним задачами. Его мало интересовал углубленный психологизм и часто он отставал в повествовании дилетантское отступление, небольшое исследование или исторический очерк. Но все его книги проникнуты глубокой человечностью, и некоторые эпизоды в его романах достигают потрясающей силы.

Разве можно забыть ту сцену в «Джунглях», когда Юргис узнает, что его жена пошла в публичный дом, чтобы раздобыть деньги на хлеб? Или эпизод в «Короле Угле», когда Хал предлагает своим товарищам объединиться?

Синклер изобразил современного индустриализма и показал силы, борющиеся с ним. Всею жизнью связанным с интересами и с борьбой американских рабочих, Синклер весь свой могучий талант отдал на защиту свободы американского народа и борьбы искусства.

Нью-Йорк.

За пять дней

ОТКРЫТА ВЫСТАВКА В ЧЕСТЬ ДЖАМБУЛА

13 сентября во Всесоюзной публичной библиотеке им. Ленина в Москве открылась выставка, посвященная 75-летию поэтической деятельности казахского народного поэта-орденоносца акына Джамбула Джабаева. Выставка состоит из пяти стенов. Первый рисует жизнь Казахстана под колониальным и национальным гнетом царизма. Фотографии показывают убогие юрты нижних кочевников-казахов, казахскую соху, которой обрабатывали землю при самодержавии, неприглядную стениую зимовку казахов. Затем идут документы об усмирении сопротивления казахов в 1916 г., поднятого под руководством народного героя Амангелы Иманова.

Второй стено с фотографиями и диаграммами показывает социалистический Казахстан, цветущую республику Союза ССР, где грамотность и культура растут невиданными темпами. Казахстан занимает первое место в СССР по добыче меди, свинца, платины и вольфрама, второе место по нефти и золоту, третье место по уголю, железу, марганцу. Все эти богатства являются ресурсами на Октябрьской Социалистической революции не исследовались и не разрабатывались.

Третий стено: «Джамбул — народный певец Сталинской эпохи» — воспроизводит замечательные стихи Джамбула, посвященные Ленину, Сталину, Ежову, Ворошилову и Кагановичу.

Следующий раздел — «Джамбул — любимец народов Союза ССР» содержит высказывания о поэзии Джамбула народных артистов Союза ССР Москва и Качалова, Героев Советского Союза Степнева, Кожкина и др. Фото изображают замечательного акына в кругу рабочих, артистов, поэтов и моменты награждения его отличиями.

Последний стено: «Джамбул и писатели братских народов СССР» — состоит из стихов Джамбула, посвященных Шота Руставели, Пушкину, Горькому, Сулейману Стальскому, и стихотворений, написанных о Джамбуле. В витрине выставлены произведения Джамбула на языках народов СССР, книги, исследования о старой Киргизии и современном Казахстане.

Выставка организована удачно и хорошо посещается.

НА КОНКУРСЕ ДИРИЖЕРОВ

Сегодня — второй день второго тура всесоюзного конкурса дирижеров.

Ежедневно в течение второго тура выступают по два дирижера с большой симфонической программой. Наряду с симфоническими произведениями только для оркестра, участники конкурса дирижируют также концертами для сольных инструментов (рояль, скрипка и др. в сопровождении оркестра).

Вчера очень успешно прошла репетиция Натана Рахлина (Киев), посвященная произведениям Листа, Брамса и украинского композитора Косенко.

Сегодня выступают М. Жуков и К. К. Иванов (Москва).

Выступление заслуженного деятеля искусств дирижера Большого театра А. Ш. Мелик-Пашаева назначено на 22 сентября. Симфонические программы во втором туре значительно разнообразнее и свежее, чем в первом. Молодые дирижеры исполняют мало игнорированную и третью симфонию Чайковского, симфонические произведения Брамса, Листа, Штрауса, Скрябина, Глазунова, новые сочинения советских композиторов.

Второй тур закончится 26 сентября. С 1 по 5 октября в Большом зале консерватории будут происходить открытые симфонические концерты лауреатов Всесоюзного конкурса дирижеров.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ А. С. ПУШКИНА

Музей А. С. Пушкина обогатился ценным экспонатом — из Всесоюзной библиотеки им. Ленина им. получены неизвестные до сих пор рисунки поэта. На небольшом листе бумаги нарисованы карандашом человеческие фигуры, мужской профиль, лошадь, дерево. На краях листа сделаны две надписи: «рисовал Пушкин у меня в Царском селе. Сентябрь 1831 г.» и «рисовал Пушкин в Царском селе в 1831 г.».

По поводу этих рисунков проф. М. А. Цытовский сказал:

— О найденных рисунках А. С. Пушкина до сих пор ничего не было известно. Загадкой является, кем и когда были сделаны подписи под рисунками. Мы предполагали, что текст принадлежит поэту Жуковскому, однако анализ почерка показал ошибочность этого предположения. Сейчас музей выясняет, кто автор надписей на листке с рисунками Пушкина.

НОВЫЙ ПРИЕМ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Вчера состоялись испытания на первый курс Вечернего литературного института союза советских писателей. Всего на первый курс Института было подано 210 заявлений. По творческим работам из этого числа были отобраны 42 кандидата. Двадцать человек (лица, имеющие высшее образование, студенты вузов и отличившиеся выпускники 10-леток) были приняты без испытаний, а 22 человека допущены к испытаниям. Держали вчера испытания 17 человек, из них успешно выдержали 10 человек.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ В ЯПОНИИ

Газета «Мияко» в Токио пишет, что полнейшие власти усердно разыскивают писателя Курода, который под псевдонимом Аояма печатался в китайских газетах весьма активными статьями.

ПАМЯТНИК ШОТА РУСТАВЕЛИ

18 сентября в городском саду Ахалцихе (Грузия), в окрестностях которого, как гласит народное предание, родился Шота Руставели, состоялось открытие памятника гениальному поэту грузинского народа.

Памятник Руставели высотой в 5 метров сооружен по проекту скульптора Тонуридзе. Нижняя часть памятника сделана из гранита, верхняя — из узорчатого желтого камня с орнаментами в грузинском стиле. Бюст Шота Руставели выполнен из белого итальянского мрамора. По бокам памятника устроены бассейны, облицованные серым мрамором.

ПАМЯТИ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

В Московском прижизненном учебном комбинате (Тупино) открылась выставка, посвященная тридцатому дню смерти выдающегося ученого и изобретателя Константина Эдуардовича Циолковского.

В числе экспонатов выставки — точная копия первой в России аэропланной Калуги, построенной Циолковским в Калуге, модели пельнометаллического дирижабля и межпланетных ракет. Большое внимание привлекает модель самолета, сделанная Циолковским в 1895 году за несколько лет до появления аэроплана братьев Райт.

Фотографии, книги и другие многочисленные материалы повествуют о жизненном пути и деятельности знаменитого ученого.

Три года назад умер выдающийся ученый и изобретатель К. Э. Циолковский, проложивший новые пути в области воздухоплавания. Всею свою долгую жизнь он посвящал вопросам изучения реактивного летательного аппарата и изобретению дирижабля. Еще задолго до появления пепелина К. Э. Циолковский разработал проект пельнометаллического дирижабля. Циолковский выпустил около 30 книг по вопросам пельнометаллического дирижабля.

Циолковский является автором не только книг научных, но и художественных, научно-популярных. Он написал книги «На земле», «Грезы о Земле и Небе», «Вне земли», «Простое учение о воздушном корабле» и др. «В борьбе за новые идеи до конца своей жизни Циолковский остается молодым и борющимся», — пишет о великом русском ученом академик Ферман.

Сейчас готовится к печати собрание сочинений К. Э. Циолковского в семи томах, всего до 200 печатных листов.

За несколько дней до своей смерти К. Э. Циолковский в письме к яму товарища Сталина сообщил, что все свои труды он передает «партии большевиков и Советской власти» — подлинным руководителем прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды».

СПЕКТАКЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА

Центральный детский театр начал вчера свои спектакли в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького. Пьеса В. Катаева «Беллет парус одинокий», декорации к которой, как и к спектаклю «Негринетко и обезьяна», пеликом восстановлены после пожара. Возобновляются декорации к постановкам «Золотой ключик» и «Баба-Яга — костяная нога».

Ближайшая премьера театра — в октябре — пьеса М. Ланца «Изобретатель и компаньон» (Моган Гутенберг) в постановке И. Раппопорта и в оформлении художника В. Рындина. Композитор — Д. Кабалетский.

Труппа театра интенсивно работает и над другой новой постановкой — «Созвездие Гюльчич псов» К. Паустовского.

«ПО ЧЕХОСЛОВАКИИ»

Государственное издательство политической литературы выпустило отдельный брошюры очерк А. Фадеева «По Чехословакии» (ранее в сокращенном виде печатавшийся в «Правде»).

В своей брошюре автор, посетивший Чехословакию летом текущего года, знакомит читателя с положением в стране, народ которой активно борется за свою национальную независимость.

Каждая небольшая глава очерка, а их в очерке пять («Выборы в Братиславе», «Солдатские разговоры», «Сождение Ана Гуса», «Литература Чехословакии», «День культуры в Либереце»), повествует о политической, экономической и культурной жизни страны, рассказывает о боевом духе трудящихся Чехословацкой республики.

А. Фадеев знакомит нас с современной буржуазной демократией в стране, окруженной фашистской Германией, Польшей и Венгрией.

В главе «Литература Чехословакии» писатель дает интересные сведения об истории национальной культуры и литературы. Брошюра издана 100-тысячным тиражом. Цена 15 коп.

ПРИОБРЕТЕНИЯ ГОСЛИТМУЗЕЯ

Государственный Литературный музей приобрел неопубликованные письма А. П. Чехова: 9 писем к доктору П. Г. Розанову, одному из земских врачей Московской губернии (1854—1899 гг.) и 41 письмо к О. Р. Васильевой за 1898—1904 гг.

Найдена «Книга для записывания прилежания, успеваемости и поведения учеников Ярославской мужской гимназии за 1834—1835 гг.» — и в ней записи, относящиеся к Н. А. Некрасову, учившемуся в Ярославской гимназии.

В Гослитмузей поступило № 385 московского губернского правления об увольнении со службы старшего советника А. Ф. Писемского. В «деле» — подробный формулярный список Писемского, представляющий значительный биографический интерес.

СИЛЬНЕЙШЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ПАРТИИ

17 сентября в союз советских писателей (Москва) состоялось открытое партийно-комсомольское собрание...

С докладом выступил секретарь парткома союза т. К. Зайцев.

— Публикация Краткого курса истории ВКП(б) — сказал он, — крупнейшее событие в идейной жизни большевистской партии...

Опубликование Краткого курса неизмеримо повышает роль и значение политического образования вообще и изучения истории нашей партии — в особенности.

Нет надобности доказывать, что глубокое изучение истории ВКП(б) по Краткому курсу имеет для партийных и беспартийных литераторов первостепенное значение.

— Выпуск в свет Краткого курса истории партии, — сказал далее т. Зайцев, — ко многому обязывает нам партийный комитет.

Для того чтобы обеспечить успешную работу наших кружков, необходимо провести большую подготовительную работу по подбору пропагандистов и правильному укомплектованию кружков.

Мы проведем в клубе писателей пикет лекций и докладов для пропагандистов. Кроме того, намеряется потребовать в парткабинете, который также будет создан при клубе.

Мы должны приложить все силы к тому, чтобы у нас организация партийного просвещения была на уровне ленинско-сталинского курса истории партии.

По докладу т. Зайцева развернулись оживленные прения.

Все выступавшие товарищи — Клиптин, Фадеев, Ромм, Лифшиц — говорили о том, каким исключительно важным и радостным событием для каждого советского человека является опубликование Краткого курса истории ВКП(б).

— Краткий курс, — говорит т. В. Мирпотин — классическое произведение нашей партийной литературы.

В кружках по истории ВКП(б) очень часто история партии отрывалась от истории страны и народа, преподносилась изолированно.

Краткий курс убедительно показывает, что история большевистской партии немыслима вне истории рабочего класса, вне истории народа.

— Дело чести и колта нашего партийного комитета, — говорит в заключение т. Клиптин, — как можно лучше организовать изучение Краткого курса не только среди членов партии и комсомольцев, но и среди беспартийных писателей.

Тов. М. Лифшиц дает характеристику ранее выходящим учебникам по истории партии.

— Учебники были плохи, — говорит он, — К некоторым из них приложили свою руку враги народа, которые и на этом участке пытались всячески навредить.

Именно наша партия в работах своих вождей Ленина и Сталина двинула вперед теорию Маркса — Энгельса и выковала победоносное оружие для Коммунистического Интернационала, для международного революционного движения.

Наши писатели, в том числе писатели беспартийные — это очень знаменательный факт, — берутся за самые важные и вместе с тем самые сложные исторические и современные темы.

Конкурс на песню о шахтерах — хороший повод, чтобы поставить вопрос о песне вообще, о тех болезнях, которыми страдают многие и колхозные, и оборонные, и комсомольские, и краснофлотские песни.

Одна из самых распространенных болезней песни — я имею в виду текст — ее неудовольное однообразие.

Вторая распространенная болезнь всех видов песен — это низкое качество стихов. Во многих случаях это лишь тексты к музыке, а не поэтически произведенные произведения.

Не всегда поэты пишут песню с тем же творческим напряжением, что и стихотворение. Авторы сами относятся к своим песням без должного уважения.

Может быть и неправильно требовать, чтобы каждая песня была литературным шедевром, но элементарные признаки художественного произведения она должна в себе нести.

Вот для примера прилагаю «Песня советской молодежи», выпущенный «Молодой гвардией» в 1937 году стихотворением тиражом. Прочтите «Комсомольский марш» А. Безыменского.

«Низвергнута ночь, подымается солнце На грешных работах годов»...

Иногда наши писатели терпят неудачу, допускают крупные политические ошибки именно потому, что плохо знают историю нашей партии, историю нашей революции.

Возлованную речь произнес на собрании беспартийный писатель т. Ромм.

— Краткий курс, — говорит он, — это история большевистской партии, написанная самой партией. В каждой фразе, в каждой строке этой замечательной книги чувствуешь сталинский стиль, мудрую сталинскую простоту и лаконичность.

В своей резолюции собрание приняло к неуклонному руководству решение МК ВКП(б).

Партийному комитету предложено в самое ближайшее время утвердить на своем заседании персональный состав пропагандистов и кружков партийной и комсомольской сети.

Иногда наши писатели терпят неудачу, допускают крупные политические ошибки именно потому, что плохо знают историю нашей партии, историю нашей революции.

Возлованную речь произнес на собрании беспартийный писатель т. Ромм.

— Краткий курс, — говорит он, — это история большевистской партии, написанная самой партией.

В кружках по истории ВКП(б) очень часто история партии отрывалась от истории страны и народа, преподносилась изолированно.

Краткий курс убедительно показывает, что история большевистской партии немыслима вне истории рабочего класса, вне истории народа.

— Дело чести и колта нашего партийного комитета, — говорит в заключение т. Клиптин, — как можно лучше организовать изучение Краткого курса не только среди членов партии и комсомольцев, но и среди беспартийных писателей.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕСНЯ?

Анкета «Литературной газеты»

Нельзя ли поменьше халтуры?

Конкурс на песню о шахтерах — хороший повод, чтобы поставить вопрос о песне вообще, о тех болезнях, которыми страдают многие и колхозные, и оборонные, и комсомольские, и краснофлотские песни.

Одна из самых распространенных болезней песни — я имею в виду текст — ее неудовольное однообразие.

Вторая распространенная болезнь всех видов песен — это низкое качество стихов. Во многих случаях это лишь тексты к музыке, а не поэтически произведенные произведения.

Не всегда поэты пишут песню с тем же творческим напряжением, что и стихотворение. Авторы сами относятся к своим песням без должного уважения.

Может быть и неправильно требовать, чтобы каждая песня была литературным шедевром, но элементарные признаки художественного произведения она должна в себе нести.

Вот для примера прилагаю «Песня советской молодежи», выпущенный «Молодой гвардией» в 1937 году стихотворением тиражом. Прочтите «Комсомольский марш» А. Безыменского.

«Низвергнута ночь, подымается солнце На грешных работах годов»...

Иногда наши писатели терпят неудачу, допускают крупные политические ошибки именно потому, что плохо знают историю нашей партии, историю нашей революции.

Возлованную речь произнес на собрании беспартийный писатель т. Ромм.

— Краткий курс, — говорит он, — это история большевистской партии, написанная самой партией.

В кружках по истории ВКП(б) очень часто история партии отрывалась от истории страны и народа, преподносилась изолированно.

Краткий курс убедительно показывает, что история большевистской партии немыслима вне истории рабочего класса, вне истории народа.

— Дело чести и колта нашего партийного комитета, — говорит в заключение т. Клиптин, — как можно лучше организовать изучение Краткого курса не только среди членов партии и комсомольцев, но и среди беспартийных писателей.

На небе флажелевых блуз. Наукой моряк, комсомолец борьбою Скрепляю свой братский союз.

«Нас песня былых походов Встречает как лучший отдых». Почему песня встречает нас как отдых? Это явная нелепица.

«И сколько ах! Например, у Кирсанова: «За полем да за гаем Силен советский край!»

«Наши кони гонимы и мапшты. Сабля — степки камыша». В одной из песен Сикорской написано буквально следующее: «Загудела трем орудий, Слышен мощный гул трубы, И вскипают наши трубы (?) Жарким пламенем борьбы».

«Стране отвечаем мы новым подьемом, И каждый в пути шепелом. И каждая встреча с любимым наркомом Есть рапорт стахановских тонн».

За эти песни должны держать ответ вместе с поэтами и композиторами. Что их вдохновляет на музыку в таких словах? Диву даешься, почему эти словесные нагромождения, неграмотные обороты, неуказанные словосочетания прельщают внимание музыкантов?

У нас немало хороших и очень хороших песен. Это песни В. Лебедева-Кузача, «Полюшко-поле» В. Гусева и его же песня из пьесы «Дружба», «Каховка» М. Светлова, «Партизан Железняк» М. Голдштерна, «Песня о танкае» М. Рудермана, «Донжирская А. Суркова и еще много.

«Низвергнута ночь, подымается солнце На грешных работах годов»...

Иногда наши писатели терпят неудачу, допускают крупные политические ошибки именно потому, что плохо знают историю нашей партии, историю нашей революции.

Возлованную речь произнес на собрании беспартийный писатель т. Ромм.

— Краткий курс, — говорит он, — это история большевистской партии, написанная самой партией.

В кружках по истории ВКП(б) очень часто история партии отрывалась от истории страны и народа, преподносилась изолированно.

Краткий курс убедительно показывает, что история большевистской партии немыслима вне истории рабочего класса, вне истории народа.

— Дело чести и колта нашего партийного комитета, — говорит в заключение т. Клиптин, — как можно лучше организовать изучение Краткого курса не только среди членов партии и комсомольцев, но и среди беспартийных писателей.

Эти песни должны быть хорошими!

Меня чрезвычайно заинтересовал новый конкурс, потому что дело идет о создании песен, посвященных шахтерам, людям Донбасса, где зародилось величайшее движение современности — стахановское.

С грустью я должен констатировать, что многие крупные композиторы и поэты обычно не принимают участия в конкурсах. Между тем массовая песня имеет огромное воспитательно-художественное значение.

«Нас песня былых походов Встречает как лучший отдых». Почему песня встречает нас как отдых? Это явная нелепица.

«И сколько ах! Например, у Кирсанова: «За полем да за гаем Силен советский край!»

«Наши кони гонимы и мапшты. Сабля — степки камыша». В одной из песен Сикорской написано буквально следующее: «Загудела трем орудий, Слышен мощный гул трубы, И вскипают наши трубы (?) Жарким пламенем борьбы».

«Стране отвечаем мы новым подьемом, И каждый в пути шепелом. И каждая встреча с любимым наркомом Есть рапорт стахановских тонн».

За эти песни должны держать ответ вместе с поэтами и композиторами. Что их вдохновляет на музыку в таких словах? Диву даешься, почему эти словесные нагромождения, неграмотные обороты, неуказанные словосочетания прельщают внимание музыкантов?

У нас немало хороших и очень хороших песен. Это песни В. Лебедева-Кузача, «Полюшко-поле» В. Гусева и его же песня из пьесы «Дружба», «Каховка» М. Светлова, «Партизан Железняк» М. Голдштерна, «Песня о танкае» М. Рудермана, «Донжирская А. Суркова и еще много.

«Низвергнута ночь, подымается солнце На грешных работах годов»...

Иногда наши писатели терпят неудачу, допускают крупные политические ошибки именно потому, что плохо знают историю нашей партии, историю нашей революции.

Возлованную речь произнес на собрании беспартийный писатель т. Ромм.

— Краткий курс, — говорит он, — это история большевистской партии, написанная самой партией.

В кружках по истории ВКП(б) очень часто история партии отрывалась от истории страны и народа, преподносилась изолированно.

Краткий курс убедительно показывает, что история большевистской партии немыслима вне истории рабочего класса, вне истории народа.

— Дело чести и колта нашего партийного комитета, — говорит в заключение т. Клиптин, — как можно лучше организовать изучение Краткого курса не только среди членов партии и комсомольцев, но и среди беспартийных писателей.

пластинки, передаются по радио. Поэтому в этом конкурсе хотелось бы иметь авторитетные жюри, представленное крупнейшими мастерами слова и музыки и представителями общественности.

Для поэтов давно наступила пора писать сюжетные песни, в которых строфы развертывают сюжет, события, определяют характеры. Такие песни создадут образы, которые надолго будут жить в народе.

На конкурсе песни о Донбассе должны быть созданы условия для совместной работы поэта и композитора. Когда музыка и текст тесно спаяны между собой, получается настоящая высококачественная массовая песня.

Конкурс на песню о Донбассе, в котором я призываю принять участие всех мастеров песни, должен дать стране новые шахтерские боевые марши, лирические песни о боях угольного Донбасса, его молодежи, песни о гражданской войне, любовные шахтерские песни и т. д.

Этих песен ждет вся советская общественность, и они должны быть хорошими!

Орденосец депутат Верховного Совета РСФСР И. ДУНАВСКИЙ.

Большое, нужное дело

Меня очень интересует тема о бытие шахтеров. Это большая разнообразная тема. Беспредельно широкая.

Сохранялось много интересного фольклора. Песни, сложенные старыми добассовцами, должны быть переданы на хорошую музыку. Кроме старого добассовского фольклора надо изучить и новый, рассказывающий о жизни сегодняшнего Донбасса.

Песни о советских шахтерах должны стать настоящими массовыми произведениями, которые можно будет петь во всем Союзе. Разнообразие тем дает возможность поэтам и композиторам создать песни, близкие творчеству каждого из них.

Песни о трудовом героизме шахтеров — богатая тема, дающая возможность развить увлекательный сюжет, создать остро-эмоциональную песню. Все жанры песен — частушки, марши, лирические песни — должны найти отражение в предстоящем конкурсе.

Я придал огромное значение текстам песен. Часто композиторы делали бессмысленную работу, создавая музыку к текстам, которые потом отвергались по тем или иным причинам.

Рекоменую давать композитору текст только окончательно утвержденный и проверенный.

В этом конкурсе художественное и политическое качество текста должно стоять на особенно высоком уровне.

Какие песни о шахтерах имелись раньше в России? Это были скорбные рассказы о погибших рабочих, о горе вдовы шахтера, о притеснениях владельцев шахт, о голоде и нужде.

Новые песни — о новом Донбассе, центре культурной жизни страны, о Донбассе, застроенном прекрасными зданиями, дворцами культуры, — о новом крае, в котором живут и работают советские шахтеры, должны рассказать всем, как изменилась жизнь рабочих после революции.

Создание этих песен — большое, нужное дело, в котором должны принять серьезное участие лучшие композиторы и поэты.

Орденосец народный артист СССР Р. ГЛИЗР.

Мое мнение

Хорошая песня — творческая удача поэта. Трудно объяснить, что является причиной этой удаче: вот, написал стихотворение для чтения, а оно получилось песней.

Потом на него написали музыку и стали петь. Очевидно, дело в интонациях, в поэтическом воплощении того, что любил и очень хорошо знает. Мне хочется, чтобы в конкурсе на песню о Донбассе в первую очередь приняли участие поэты и композиторы, хорошо знающие Донбасс.

В наши музыкальные учреждения и в редакции газет и журналов присылают много песен, написанных в одной манере и по одному образцу. Некоторые авторы считают, что достаточно стихотворение разбить на куплеты и один из куплетов сделать припевом, чтобы получилась песня.

Такое «рафасованное» на куплеты и припеве стихотворение предлагает композитор, и последние пишут музыку на эти с позволения сказать, стихи.

Механическое производство песен (а должен сказать об этом со всей прямотой) начинающих поэтов приучают некоторые композиторы, утверждая, что песня — это не стихи, что она обладает своими законами и т. д.

Песня действительно обладает своими законами. Но это прежде всего не текст в музыке, а поэтическое произведение, и о этом не может не считаться композитор.

Какой должна быть песня о Донбассе? Созданная на хорошо знакомом и любимом всем советским народом материале, она должна вобрать в себя все лучшее, что есть в поэзии наших лучших массовых песен. Она может быть сюжетной и бессюжетной, лирической и частушечной, может иметь постоянно изменяющийся рефрен и может не иметь его вовсе.

Она может быть построена на опорной фразе или оригинальном словосочетании, прекрасно заменяющем рефрен и опорную фразу. Мало ли разнообразных приемов, диктуемых не учебниками, а жизнью.

Надо толково внимательно слушать, бережно запоминать услышанное и, переработав его в своем творческом сознании, дать песню, которая сможет стать действительно массовой.

Михаил Рудерман

не стихи, что она обладает своими законами и т. д.

Песня действительно обладает своими законами. Но это прежде всего не текст в музыке, а поэтическое произведение, и о этом не может не считаться композитор.

Какой должна быть песня о Донбассе? Созданная на хорошо знакомом и любимом всем советским народом материале, она должна вобрать в себя все лучшее, что есть в поэзии наших лучших массовых песен.

Она может быть построена на опорной фразе или оригинальном словосочетании, прекрасно заменяющем рефрен и опорную фразу. Мало ли разнообразных приемов, диктуемых не учебниками, а жизнью.

Надо толково внимательно слушать, бережно запоминать услышанное и, переработав его в своем творческом сознании, дать песню, которая сможет стать действительно массовой.

Михаил Рудерман

10 лет парка культуры и отдыха им. Горького

В Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького в Москве 17 сентября состоялось общесоюзное собрание представителей рабочих, работников, служащих и интеллигенции, посвященное 10-летию парка. В президиуме собрания: т. Угаров — секретарь МК и МГБ ВКП(б), т. Сидоров — председатель Моссовета, секретарь МК ВКП(б) тт. Братановский, Пронин и работники парка.

Общесоюзное собрание открыл тов. Братановский. С докладом о деятельности Центрального парка культуры и отдыха им. Горького выступил директор парка тов. К. А. Иванова.

Работников парка приветствовал рабочий завода «Красный протекторий» тов. Батенков, писатель В. Катаев, главный режиссер Государственного ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР тов. Б. Мордвинов и депутат Верховного Совета РСФСР тов. З. Федорова.

Заместитель председателя Московского совета тов. Дмитрий огласил решение президиума Московского совета о премировании работников парка и проведении ряда мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение работы парка.

С большим подъемом были приняты приветствия вождю народов товарищу Сталину и главе советского правительства тов. Молотову.

Днем состоялось гуляние «День парка». Открылась выставка, отображающая деятельность парка за 10 лет. Лучшие волейболы и баскетболы столицы оспаривали приз 10-летия.

Высшей формой народности (в условиях капиталистического общества) обладает революционный патризм, потому что он «... доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии. Социалистическая революция освободила все сконвальные ранние силы народа, она обусловила невиданный расцвет народного творчества во всех областях культуры и искусства».

К борьбе за подлинно народную социалистическую литературу зовет нас Ленин. Но стать таковой может лишь литература, проникнутая подлинной партийностью. Для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, принцип партийности был основным формирующим принципом подлинно марксистской, социалистической науки и литературы. Ленин знал к тому, чтобы литература открыто связала себя с пролетариатом. И именно в Горьком Ленин видел крупнейшего представителя пролетарского искусства.

Ленин рисовал перспективы развития литературы, которая станет партийной, которая свяжет свою судьбу с судьбой рабочего класса, с судьбой революции. Ленин писал: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие тружущимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не преклонной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов тружущихся, которые оставляют цвет страны, ее силу, ее будущее».

Наша советская литература, литература социалистического реализма, и есть та свободная литература, приход которой предсказывал Ленин. Литература социалистического реализма осуществляет идею социализма и служит народу. Слова Ленина звучат нам живым напоминанием о том, что надо непрестанно вести борьбу за подлинно народную социалистическую литературу. К этому зовет нас Ленин. К этой же борьбе зовет нас товарищ Сталин.

ЛЕНИНИЗМ И ЗАДАЧИ КРИТИКИ

(К вопросу о литературных взглядах В. И. Ленина)

Пора поставить вопрос о коллективной творческой работе, которая всесторонне осветила бы литературные взгляды Ленина. Этого прежде всего требуют кровные интересы советской литературы, интересы нашей советской критики.

В настоящей статье мы хотим наметить лишь некоторые задачи, выдвигаемые ленинизмом перед литературной критикой.

По вопросу о критерии художественности, вопросу, имеющему сейчас для нас особую актуальность, мы находим у Ленина совершенно четкий и ясный ответ. Говоря о Толстом, как о зеркале русской революции, Ленин пишет: «И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». Здесь Ленин как бы устанавливает известную градацию художественности в зависимости от того, насколько глубоко и полно художником отражена действительность. Художники могут быть разной силы, но есть высшая ступень, которую устанавливает Ленин: «действительно великий художник». А действительно великим художником мы можем считать только такого, который средствами искусства дает глубокое и правильное отражение действительности. В этом заключается подлинная художественность, которую не может заменить никакое самокочевающее «мастерство», лишённое жизненного содержания.

Толстой сумел по-своему отразить в своих замечательных произведениях эпоху подготовки революции в России, приданной крепостниками, и поэтому творчество Толстого есть шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Мы видим, таким образом, что проблема художественности связывается Лениным с реалистическим содержанием искусства. Вне реалистического искусства, т. е. такого искусства, которое отражает действительность, которое глубоко связано с жизнью и выдвигает великие вопросы, вообще не может быть созданий действительно великого художника.

Эта борьба за большее реалистическое искусство обуславливается у Ленина самым существом его взглядов на взаимоотношения искусства и действительности. А взгляды эти органически связаны с ленинской «теорией отражения», поскольку искусство есть форма идеологии, поскольку искусство есть специфическая категория общественного сознания.

Ленин говорил о «живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания». Эту же могучесть Ленин ощущал и в «художественной силе», когда он писал о Толстом или же говорил о нем в беседе с А. М. Горьким: «— Какая глыба, а? Какой материй человечине!»

Исполнение отражение действительности. Иные наши критики начинают совершенно абстрактно оперировать «теорией отражения», по существу подменяя ее наивным реализмом, который всякий художественный образ принимает на веру.

Ленин всегда отмечает, наряду с объективным, те границы, которые полагают правильно воспринять действительности классовый «предрассудок» писателя. Ленин показывает, что Толстой правильно понял и воспринял в революции, и чего он не понял (заодно с патриархальным крестьянством, чьи взгляды отразились в творчестве Толстого), потому что Толстой стоял не на точке зрения революционного рабочего класса, который единственно может дать правильную оценку явлению. Вот эту правильную оценку Ленин и противопоставляет всегда в тех случаях, когда он имеет дело с искаженным пониманием действительности, пролицированными классовым «предрассудком».

Ленин, таким образом, вскрывает классовую природу литературных явлений, которые он разбирает. Это не только не находится в противоречии с «теорией отражения», а непосредственно и органически из нее вытекает. Между тем некоторые наши критики, неправильно поняв ленинскую «теорию отражения», объявили классовый анализ правдоподобностью вульгарной социологии и ополчились против него. Дело дошло до того, что каждая попытка осмыслить социальное содержание художественного творчества стала приниматься этими рьяными критиками в штыки.

В чем заключалась критическая практика вульгарных социологов? Они обычно поступали так: на основании внешних и случайных признаков они приписывали писателя к какому-нибудь классу или классовой прослойке и беспомощно барахтались в безвоздушном пространстве своих надуманных скороспелых схем. Вульгарные социологи называют это «классовым анализом» литературы. На самом деле это не классовый анализ, не классовое изучение литературы, а «классификация» литературных явлений в пределах научной пометкатуры. Живые писатели со всем разнообразием и богат-

ством их творчества, конкретная история литературного развития со всей сложностью и противоречивостью ее процессов предстают в изображении вульгарных социологов как паноптикум восковых фигур с готовыми ярлычками: дворянский писатель, мелкобуржуазный писатель, буржуазный писатель, капитализирующегося дворянина и пр. и пр.

Справедливо борясь против пошлого схематизма вульгарных социологов, некоторые наши критики, однако, противопоставляли ему схематизм иного рода, но не менее вульгарный. В противовес дробному ассортименту ярлычков, которым орудуют вульгарные социологи, они выдвигают один универсальный ярлык, одинаково приемлемый ими для всех классов: народный писатель. Обозначение «народный» стало в употреблении этих критиков каким-то магическим «счастливым» словом. Все писатели прошлого стали ходить в «народных», ничем не отличаясь друг от друга.

Ленинская статья о Толстом — результат тщательного изучения соотношения всех классов в тогашней России, изучения типичных классовых форм борьбы. Без классового анализа явлений, выброшенных в классовое общество, немисима подлинная марксистско-ленинская критика. Об этом настоятельно напоминают замечательные работы Ленина, посвященные вопросам литературы и искусства.

Заметки о нашей критике

2*

Книжка Гурвича «В новских героях» пахнет прежде всего тем, что автор исходит из анализа образов художественных произведений. Он, разумеется, вновь не отбрасывает слова, высказывания персонажей и автора произведения, но он рассматривает их в связи с образом. В статье об Олеше Гурвич пишет:

«Коснувшись «Списка благодетелей», мы с самого начала поставили перед собой вопрос: какое из двух враждующих в этом произведении начал побеждает? Этот вопрос ставился перед собой многие критики, пытавшиеся найти социальный эквивалент «Списка». К сожалению, многие решали этот вопрос, пользуясь текстом пьесы не как комплексом образов, требующим социального раскрытия, а как простым информационным материалом, и поэтому, узнав из конца пьесы, что Гончаров гибнет, примкнув к голодному походу безработных, они делали следующий прямой вывод: на вопрос, поставленный себе Олешей: «Быть или не быть?» (надо понимать: с революцией) — он уверенно отвечает: быть».

Совершенно ясно, что в действительности дело обстояло далеко не так... Мне могут возразить: вы неоднократно указывали на чрезвычайную искренность Олеши как художника... Вель, он велел не только список преступлений, но и список благодетелей... Я отнюдь не игнорирую... высказываний Олеши. Они, несомненно, свидетельствуют о напряженной борьбе художника со своим прошлым. Но суть заключается в том, что у Олеши можно найти список благодетелей, пункты восторга, а восторга-то самого, положительных оптимистических эмоций нет и в помине. Список преступлений вынесен у него эмоциями. Он составлен из обид, горестей, тягот, из гнева, ненависти, тоски и отчаяния... А список благодетелей?... он... рас-судочен, сущ...

Этот принцип критики Гурвич последовательно проводит на протяжении всей своей книги. Книга поэтому получила полную, статьи обелины правильной принципиальной установкой. Эту установку можно определить как целостный, органический подход к искусству и как борьбу за целостность, органичность советского социалистического искусства. Это и составляет «пафос» книги.

Умение проникнуть в образную сущность произведения, не удовлетворяясь словами персонажей и автора, дает Гурвичу возможность показать читателю хорошие образцы критики. Оставившись для примера на статье об А. Платонове.

Образы пустыни и котомки, вышедшей сумы, прохладит через все творчество Платонова. Гурвич раскрывает значение этих образов. Мир представляется пустыней в этой необозримой пустыне с сердцем, пустым, как нищенская сума. Юродское восхваление нищенства, материальное и духовное — «блаженны нищие духом» — отличает многие произведения писателя. Раскрыв эту сторону платоновского творчества, Гурвич показывает, что апология нищенства имеет у Платонова обратную сторону — распад необузданного «своеволия» анархической личности, продикувавший такие произведения А. Платонова, как «Впрямь», «Усомнившийся Макар», «Город Градов» и др. Убежденно и точно Гурвич показывает взаимосвязь двух начал платоновского творчества, переход одного в другое. Полнота, тщательность, объективность критического анализа вполне оправдывают вопрос, который Гурвич ставит перед Платоновым: «Понимает ли, каким общественным группам в условиях сегодняшнего соотношения классовых сил нужны апология нищеты и идеи великоличности?»

Гурвич приходит к полемизировать с редакцией «Литературного критика», который демонстративно напечатал на сво-

их страницах два рассказа А. Платонова, при принятии в данном их виде для напечатания редакциями литературно-художественных журналов. В одном из этих рассказов («Бессмертие») под видом большевика, начальника железнодорожной станции, изображается платоновский духовной, опустошенный «странник», одиноко затерявшийся в пустыне земного бытия. Другой рассказ («Фро») выдвигает противоположный образ — торжества личного начала, личного счастья, несовместимого со служением обществу.

Гурвич правильно замечает, что они напечатаны вместе как бы для демонстрации тех двух начал, двух сторон платоновского творчества, которые разобраны в его статье. Если на первом этапе своего творчества Платонов выступал с открытым сочувствием «частным Макарам», с высоким дерева пользывызывающим на все, что не относится к их личному «душевному» и материальному благополучию, то потом он начал по преимуществу изображать несчастного, нищего Левина (герой рассказа «Бессмертие»), который «ежедневно тратил тело на революцию». Не хотите «частных Макаров» — получите «общественных» Левинах, которые сами отностятся к себе, как к существам глубоко несчастным, неполноценным, «временным», существующим только для будущего! Таков объективный смысл этого чередования взаимосвязанных персонажей.

Редакция «Литературного критика» пошла к рассказам А. Платонова в точном соответствии с разобранной нами в предыдущей статье «методологией» И. Гринберга и Н. Степанова. Только поэтому оказалась возможным утверждение «Литературного критика» о «настоящем оптимизме», который якобы залучается рассказами «Бессмертия» и «Фро». «Может ли художественное произведение изучать оптимизм вырванной своей тональности, краскам, образам?» — пишет Гурвич. Редакция «Литературного критика» забыла о том, что основой искусства является образ, и пошла по пути наивно-логического, «словоесного» подхода к литературе. Журнал, на страницах которого печатались и настоящие, дельные статьи, в данном случае загворил «грибберговско-степановским» языком.

Гурвич признает большую одаренность Платонова и вместе с тем он показывает, как убогое мироощущение писателя влечет к однообразию красок, к обессивению и людей и природы. Субъективизм Платонова приводит к тому, что его творчество нельзя рассматривать как изображение действительности. Это, по сути дела, использование форм художественной литературы для проповеди. Проведение, рассказывающий притчи о блаженстве самоотречения, нищенства, убожества и знающий, как все это может быть послано к чорту «частными Макарами», — таков А. Платонов, писатель, который так странно и обильно расстривает свое дарование.

Нельзя согласиться с оценкой, которую дает Гурвич таким рассказам А. Платонова, как «Третий сын» и др. Здесь творчество писателя догматически «подтягивается» к идее статьи. В образе «третьего сына» нет той враждебности к жизни, которую видит Гурвич. В этом образе выражены богатство и тонкость чувстваний советского человека. Вообще, Гурвич совсем не задается вопросом о том, являются ли в платоновском творчестве внутренние возможности такого видения мира, которое представляет «блаженству нищеты». Мы хотим верить тому, что талантливый писатель, автор статьи об А. С. Пушкине, проникнутой подлинным гуманизмом, художник, который, несмотря на все, любит человека, — Платонов не сможет задерживаться на познании ложного «гуманизма», лишнего настоящей любви к человеку.

Статья Гурвича об А. Платонове имеет несомненно принципиальное значение. Тем советским писателям, в произведениях которых проскальзывают «жертвеннические» представления о советских людях как о существах «временных» и неполноценных, было бы полезно подумать над смыслом

произведений А. Платонова. Они очень наглядно, в сжатой форме притчи, как бы подводят итог всем «жертвенническим» мотивам, звучащим в нашей литературе. Тов. Всеволод Вишневский очень хорошо сказал в своей речи под могилкой А. Г. Малышкина, что Малышкину удалось «тайна радости», ускользающая от многих писателей. Большое значение таких произведений, как «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Я, сын трудового народа» В. Катаева, состоит в том, что в образах этих произведений раскрыта неразрывная связь личного счастья со счастьем народа.

Советская литература овладевает «тайной радости». Каждый из наших художников по-своему увидит, раскроет ее, по-своему подойдет к ней. Овладевание «тайной радости» мешают, с одной стороны, легковесный, душой, глупый «оптимизм», демонстрируемый во множестве стихов, критических статей, пьесок, даже целых романов и повестей, а с другой стороны, — то «жертвенническое» представление о советском человеке, которое в творчестве Платонова пришло к своему логическому концу — апокалипсическому.

Кстати сказать, только полным непониманием основных задач советской литературы, а также природы искусства можно объяснить насилие, которое совершила редакция «Нового мира» над романом Малышкина «Люди из захолустья». Как раз центральную главу романа — «Счастье» — редакция выбросила из текста романа, печатавшегося в журнале. По видимому, редакция показало, что эта глава «выпадает из композиции», так как она непосредственно не служит движению сюжета и, кроме того, написана от имени авторского «я», а весь остальной текст идет в форме эпического повествования. Тут самое представление о «композиции» оказывается узко-логическим. «Композиция» нельзя отывать от образной сущности, от всей внутренней музыки произведения. Глава «Счастье» не случайно занимает именно то место в романе, на которое поставил ее Малышкин. Она как бы открывает путь Ивану Журкину, герою романа, скромному старому из мпасского захолустья, символизирующего «захолустье» идейное, социальное, — путь в Красноярск, куда поехал Журкин за счастьем. Глава эта стоит в романе как арка над мрачным, голодным путем Журкина, над сумрачным вагоном, в котором он едет в Красноярск со своим родственником, кулаком, хитником, в чью силу и правоту еще верит Журкин... В этой главе открыто и ясно, со страстной лирической силой звучала тема романа — тема счастья.

Ошибка «Нового мира» родственна ошибке «Литературного критика». В одном случае от советского читателя прятали победу социалистической лирики, открытую, завоеванную «тайну радости», — в другом случае читателю навязывали чуждое социалистическое человеку, мрачное монашеское погребение радости. В обоих случаях идеологическая слепота была оборотной стороной художественной слепоты.

Для того, чтобы не повторяться в будущем подобные ошибки, так важно и нужно подчеркнуть значение работы тех наших критиков, которые ведут борьбу за целостный подход к литературе и за целостность, органичность самой советской литературы. Нельзя не вспомнить, что именно наличие этой принципиальной установки дало возможность Гурвичу в свое время, задолго до разоблачения Киринова как прямого врага народа, выступить на страницах «Красной нови» с разоблачением антихудожественности кириновской продукции, в то время когда азербайджанские баниты и их пособники использовали странички печати для восхваления и рекламирования кириновщины.

О некоторых других вопросах, встающих в связи с книжкой Гурвича, и об ее слабостях — в следующей статье.

Л. С. ШАУМЯН

26 бакинских комиссаров

20 сентября 1918 г. погибли героические смерти 26 бакинских комиссаров. Английские интервенты и эсеры расстреляли Степана Шаумяна, Алашу Джаварида, Мешади Азизбекова, Вагню Фиолетова и других товарищей — верных сынов социалистической родины, неутомимых борцов за народное счастье, за торжество великого дела Ленина — Сталина.

С первых же дней существования Советская власть в Баку попала в исключительно тяжелую обстановку, так как Баку, этот город черного золота, издавна манил и соблазнил взоры мировой буржуазии и являлся яблоком раздора между империалистическими хищниками.

Со стороны Тифлиса на Баку шли германско-турецкие войска, заключившие с грузинскими меньшевиками и азербайджанскими мусаватистами, ханами и беками договор о дружбе. С юга, из Персии, угрожали английские оккупационные войска во главе с генералом Денстервилем, которые выжидали подходящий момент, чтобы, удрав советскую власть, вторгнуться в нефтяной Баку. На Северном Кавказе в это время свершествовала белоглазая контрреволюция, которая в союзе с дагестанской буржуазией нажимала с севера, лкая революционный Баку связи с Советской Россией.

Только морем, через Астрахань, и то с величайшим трудом удавалось бакинским большевикам держать связь с Советской Россией, получать помощь и руководящие указания от Ленина из Москвы и от Сталина из Царщины.

В таких труднейших условиях приходилось укреплять советский строй, осуществлять социалистические мероприятия в

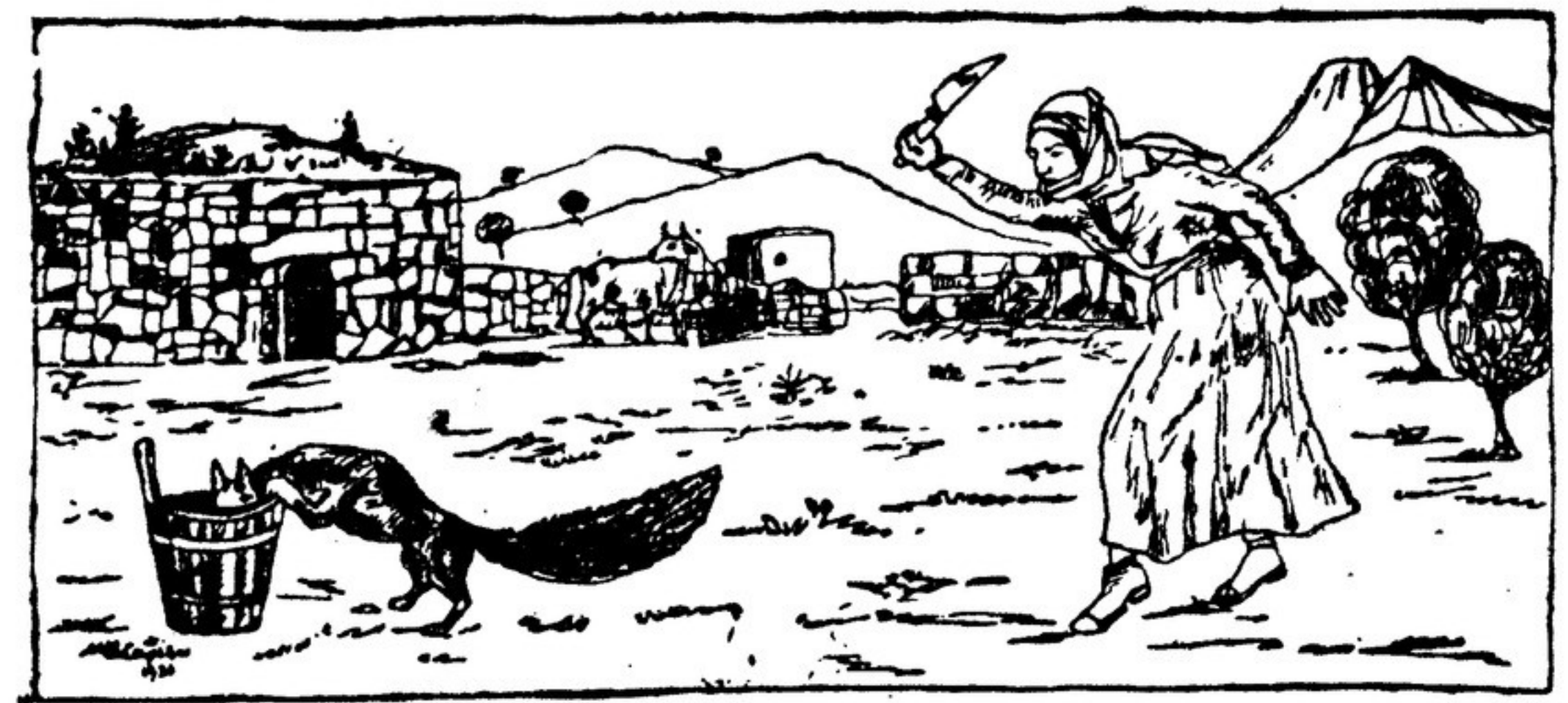
Баку. Месяцами бакинские пролетарии и бойцы Красной Армии пытались одними орехами. Месяцами трудящиеся Баку испытывали страшную нужду в воде, источники которой отрезали от города банда дагестанской контрреволюционеры — имама Гопичского.

Председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров Степан Шаумян 7 июня 1918 года писал в Москву, товарищу Ленину:

«За последнюю неделю, одновременно с лихорадочной подготовкой похода на Бизаветполь, мы были заняты подготовкой ряда декретов. Мы издали в воскресенье 2 июня декрет о национализации нефтяных предприятий. Вчера издали декрет о национализации торгового флота. Позан нами также декрет о реформе судебных учреждений. Приготовлен декрет об уничтожении нищенства, подготовлены декреты о национализации банков и домов. Внутреннее положение наше таково, что все эти мероприятия мы смогли бы безболезненно и даже блестяще провести в жизнь. Несмотря на тяжелое положение рабочих в отношении продовольствия (более двух месяцев рабочие форменно голодают), мы чувствуем себя очень прочно. Но посмотрим, каково будет наше военное положение в ближайшие дни. Если мы победим, Баку превратится в образцовую трудовую коммуналку». (Центральный архив Октябрьской революции). Но в 1918 г. этим мечтам не удалось сбыться. Уже в июне частям Красной Армии в Баку пришлось столкнуться с германско-турецкими войсками. Превратив Грузию в свою колонию, германский империализм протизвал жадные лапы к бакинской нефти.

Советская Россия, Ленин и Сталин неустанно следили за событиями, которые развертывались в Баку и Закавказьи. «Дорогой товарищ Шаумян! — писал Ленин в феврале 1918 года. — Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумеем соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением. — и мы победим. Трудности неотбиты; пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты; пока надо научиться дипломатии. Лучшие приветия и пожелания и придет всем друзьям». Несмотря на то, что Советская республика переживала в 1918 году исключительную нужду в продовольствии и оружии, Ленин и Сталин делали все возможное для того, чтобы помочь революционному Баку. Вот один из ярких документов того времени — телеграмма, полученная в Баку 29 мая 1918 года: «Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Северном Кавказе. Линия Хасав—Юрт—Петровск будет исправлена во что бы то ни стало. В помощь для Баку отправлено и будет отправляться регулярно все. Сегодня выезжает нарочный из Царщины с письмом к Шаумяну. Хлеб пошел во что бы то ни стало. Поедем укрепить фронт Аджикабул и не падать духом. Сталин».

Отдельные отряды конницы и пехоты, хлеб, орудия и пулеметы, миллионы патронов, бомбы, снаряды, бронетанкобоялы посылались из Советской России на помощь героическому Баку. Но всего этого было недостаточно. Завхватчики подошли все ближе и ближе. В это же время английские империалисты с помощью своих гнусных псов —

В Детиздате ЦК ВЛКСМ выходит книга «Армянские сказки» с иллюстрациями народного художника Армении М. Сарьяна.

Б. ЛИТВИНЦЕВ

ДВА РАССКАЗА

Открывая книжку журнала, читатель прежде всего, как правило, ищет в нем очерки или рассказы, написанный на современном тему.

Писатель, естественно, старается удолетворить это желание. Это понятно. Писатель хочет чему-нибудь научить читателя. Это тоже понятно. Но вот писатель положил личный мазок, провел личную черту. Ему кажется, что образы сделаны рельефнее, замысел понятней. А на самом деле произведение уже испорчено, оно не похоже на жизнь.

Мне хотелось бы разобрать два рассказа, напечатанные в 7-м номере журнала «30 дней». Они, как диаграмма, иллюстрируют высказанное выше положение.

Валим Кожевников, автор нескольких интересных рассказов («Птичий совок», «Кипяток» и др.), увлекся таким выдуманным псевдогероическим сюжетом, как подвиг собственного дома. В рассказе «Макар Калинин» события разворачиваются следующим образом.

В затонувшем колхозе живет старик, бывший банщик. Сыновья-командиры посылают ему деньги. В колхозе его освобождают от работы, но провозит ему зерно и все прочее, причитающееся на его долю по закону. Ему предлагают ехать на курорт. Макар Калинин обижна на то, что его считают стариком. «...всюкое проявление внимания и общественной заботы отзывалось в сердце Макара Калининца, как злое напоминание о его неполноценности — старости».

И дальше все развивается, как в сказке.

Старик ищет караулить кооператив вместо своего друга сторожа. Заведующий кооперативом кажется ему подозрительным. Он советует старику сидеть дома. Тогда Макар Калинин решает перехитрить заведующего. Он оставляет на окне своего дома зажженную лампу (как будто он дома), а сам прячется в засаде. Дом загорается, но старик не уходит из «посты». Пожар тушат соседи. Дальше происходит что-то непонятное (очевидно, второпях сократил редактор). Неожиданно выясняется, что заведующий кооперативом попал в руки слепователя. Макару Калининцу стыдно, что он ежг понапрасну свой дом. Заведующего ведь все равно задержали. Упрямыми колхозники все же строят новый дом старике. Но старик хитер. Он вступает в соглашение с плотниками, и когда колхозники приходят смотреть новый дом, то оказывается, что это его баня.

Такой рассказ можно было бы рассмотреть как шутку. Но рассказ написан серьезно. Вот, смотрите, какие у нас люди бывают!

А добывать-то нечем. Взлорный старик мог сжечь все село. Богатый колхоз почему-то не может сам выстроить себе баню. Колхоз содержит человека, сорок лет проработавшего в городских банях, имеющего детей, которые посылают ему деньги. В каком устаре это записано?

Так, во имя псевдогероичности выдумываются факты. И печатаются. И никто не товарищески не скажет способному писателю Кожевникову, что литература — это упорный труд, жизненное призвание, что

нельзя литературу подменять нелепыми выдумками.

Однако в рассказе Кожевникова есть сюжет, действие, неплохой диалог. Написан рассказ хорошо. А вот у Е. Габриловича нет и этих достоинств, хотя Габрилович старше и опычнее Кожевникова.

Габрилович рассказывает то, что бывает в жизни, но рассказывает так плохо, что ему не веришь.

«Эпизод» — это история о том, как депутат Верховного Совета Мария Нюбина приехала в родные края. По дороге на полевом стане идут танцы.

Председатель сказал: — Ну вот! Привез я вам депутата! Встретайтесь!

Все окружили Машу. Она сказала: — Да что же вы! Танцуйте, друзья!

Герои разговаривают странным, сухим языком.

И язык этот резко отличается от той «пышной» языка, каким разговаривает сам автор в повествовательной части рассказа:

«Вперед! Мы бьемся за счастье нашей страны в городах и в степях, на заводах и в шахтах. И мы справимся великий наш праздник везле, где бы он ни застал нас: вблизи и вдали, на юге, на севере, в полях и в лесах, в горах и на море» — декламирует он ни с того, ни с сего.

Старик советует Маше быть верной народу. Потом приходит известный своей молчаливостью Михеев и рассказывает Маше про свою дочь. И хотя кулак убил его дочь давно, и Мама знает это, тем не менее «молчаливый» очень долго рассказывает эту историю, объясняя: «тебе первой». А на рассвете Маша, студентка Промакалеми, разговаривает с Леной Трофимовной, трактористкой, которая учится в стахановской школе. Лена жалуется, что ей трудно с алгеброй, а Маше трудно с линиейми.

«Лена заметила: — Ну, с линиейми как раз ерунда. Ты только уясни закон преломления. И тебе сейчас объясню. Ты про рефракцию понимаешь?»

Рассказ написан бледно, вяло. В нем нет ни одного живого слова, за исключением одного абзаца, где Мама вспоминает, что несколько лет назад они со Степой, механиком, вырезали на стевке вагончика сердце.

И весь рассказ — это какое-то распыленное «моральце».

Нельзя оставаться равнодушными при появлении таких рассказов, как «Эпизод».

Почему возможно появление таких рассказов?

В первую очередь за это должны отвечать редакторы. В интимных беседах дома многие из них с грустью говорят о плохих художественных произведениях, читая Толстого, Бальзака, Достоевского и Чехова, но стоит им только усесться за свой редакторский стол, как они становятся добрыми дядями за счет читателей.

Я не верю, что редакционный коллегии «30 дней» нравится рассказ «Эпизод». Нет, он ей не может нравиться. Но рассказ написан на современную тему. И редакция кажется, что ей зачтется если не качество рассказа, то хотя бы «политическая актуальность».

А. ЭРЛИХ

ЖИЗНЬ КНИГИ

У книг своя жизнь. Бывает, что многотомный роман, расхваленный критикой и изданный десятки раз, недвижимо лежит на библиотечных полках. Случается же и так, что книга, вызвавшая лишь скромный отклик на страницах прессы, рождает нетерпеливые очереди читателей.

Герои ее делаются известными стране. Мысли, в ней выраженные, становятся мыслями многих тысяч людей, они повторяются в статьях, в заметках, в устных выступлениях. Действующим лицам романа так тесно за переломом книги. Они входят в самую жизнь. Они ведут деятельное существование в воображении и в сердце многих тысяч читателей. Они незримо действуют рядом с нами — на лесках строек, в фабричных и заводских помещениях, в открытом поле, среди пышных колхозных хлебов, или на границах нашей родины, в дозорах и в боях...

«Вот уже третий раз прочел эту книгу, и она меня в конечном счете с ума сводит. Главный герой — М. Колча — это я... У меня точно такой же характер, и эгоизм, индивидуализм. И не могу с маской быть, я всегда грустный и о чем-то мечтаю...»

Степан М. прочел несколько лет назад роман В. Левина «Юноша» и был поражен точностью, жизненной правдой, глубиной и ясностью созданного Левиним образа. «М. Колча — это я!» — с изумлением и страхом воскликнул Степан. Он увидел самого себя на страницах книги. Его собственные хорошие и дурные качества глубоко раскрылись перед ним. Он вступил в молниеносное озарение, познал истинную природу своих чувств, которыми втайне гордился и которые на самом деле являются источником его слабости, его отчуждения, его эгоистического, себялюбивого одиночества.

«Вы привыкли думать, что все старое выступает или прямо как золотопоник с нагайкой, или как голый рывак Фитингоф. А это неверно...»

— Неверно! — соглашается взволнованный читатель с огнем из героев романа В. Левина, большевиком Праскухиным. — Конечно, неверно!

«Силы старого многообразны, замаскированы и, что опаснее всего, нередко имеют симптоматичное обличье».

Миха Колча при всем своем милым обличье, при всей искренности и сердечности своей — всего лишь гадкий утенок, мечтающий стать лебедем.

«Гадкие утята... К чорту их! — пишет в своем романе В. Левин. — Они опасны нам и когда еще не превратились в гордых лебедей. Они вызывают к нашей жалости. Они опасны и тогда, когда наконец достигают долгожданного блестящего оперения. О, они умеют тогда клеветать... Безжалостно клеветать!»

В новом свете увидел самого себя Степан М. и проникся уважением перед теми своими мыслями и чувствами, перед которыми раньше испытывал тайную гордость. Колча — неважный двойник его — теперь обретает, предупреждает и контролирует его на каждом шагу.

Страстную жажду совершенствования порождает в читателе «Юноша» В. Левина. Не глупой, но поучительными рассуждениями, не холодными менторскими, прописными советами воздействует автор на своего читателя, а исключительно полнокровными, художественными образами, жизненной, тонко подмеченной и ярко выраженной правдой.

«Нига «Юноша» у нас на Охтенском химическом комбинате (Ленинград) вызвало большое впечатление, и мы в заводской газете поместили отзыв о ней...»

«Нига очень хорошая и интересная. Я прошу вас, если возможно, пришлите мне вторую часть, сколько бы она ни стоила» — пишет девятнадцатилетний рабочий К.

«Ногда читаешь какую-нибудь книгу и думаешь — почему герой книги поступил именно так, а не иначе. А здесь настолько все понятно и правдоподобно, что можешь сказать уверенно, что автор героя не придумал, а взял из жизни и хорошо его знает».

За пять лет «Юноша» В. Левина вызвал поток читательских отзывов. Пишут отдельные товарищи и коллективы, пишут рабочие и колхозники, пишут красноармейцы и колхозники, пишут юноши и девушки.

Миха Колча, талантливый художник, приезжает в Москву в деле своему коммунисту Праскухиному. Кто из них больше — самонадеянный, подтвержденный всем индивидуалистическим порокам бывший комсомолец, или сорокалетний большевик, чей дух закален революционным полемем, фронтами гражданской войны, годами социалистического строительства? «Молодость — социальна», — утверждает автор; пожившие люди могут быть моложе иных юношей, ибо не возраст сам по себе, а душевные силы, ясность мысли и чувства, революционная энергия и целеустремленность определяют истинную молодость наших дней. Такова тема романа «Юноша».

Судьба Михаила Колча волнует и интересует советскую молодежь. Что с ним стало? Умер он от раны или выдворился и забавился от своих заочных мечтаний? Понял ли он, как поняли читатели «Юноша», всю меру, всю глубину своей социальной неполноценности?

Он остается верен себе до конца. Даже на фронте, даже накануне сражения, в котором он участвовал и был тяжело ранен, Михаил Колча метал только о подвиге, который бы сразу выдвинул его из обыкновенной и потому ненавидимой массы. Не о победе Красной Армии над противником думал он в эти дни, а только о личном подвиге, только о собственной славе.

И все-таки читателю жаль его. Неужели этот юноша, такой талантливый и любознательный, такой сердечный и искренний, так и не поймет своих индивидуалистических пороков и не отшатнется перед ними? И поскольку это первая книга, я упорно ищу вторую книгу, пишу вот уже три года и не нахожу ее», — пишет красноармеец Степан М.

Второй книги все еще нет на свете, и читатель вправе требовать от автора скорейшего творческого ответа.

Литературная газета

Эптон Синклер — советским писателям

Уже давно я думаю о романе, действие которого будет происходить частью в США, частью в СССР. Но осуществить мой замысел мне мешало то обстоятельство, что я ни разу не был в Советском Союзе и не знаю русского языка. Развитие фабулы требует знакомства с материалом, который очень трудно почерпнуть из литературы на английском языке, и вот мне пришла в голову мысль: быть может, кто-нибудь из советских писателей захотел бы разделить со мной эту работу и таким образом участвовать в создании настоящего произведения «интернациональной литературы».

Предполагаемое название книги — «Красное золото».

В промышленном центре одного из западных штатов находится крупный концерн, производящий всякого рода электрооборудование — от электрических лампочек и до мощных турбин. Герой романа — Джеральд Эванс, молодой американский инженер, находится на службе у этой компании.

Мы впервые встречаемся с ним на званом обеде в доме председателя концерна. Джеральд Эванс любит дочь этого промышленного магната. Но Эванс должен сам пробовать себе дорогу в жизни. Зависимое положение делает его неуверенным и перешептывающимся. Дочь председателя концерна, Лиси Райт, — девушка очень сдержанная и гордая; по она знает, чего хочет, и привыкла добиваться своего: типичная богатая молодая американка — высокомерная, подчиняющаяся условностям и строгой в суждениях. Она принимает участие в судьбе молодого инженера и, зная, что ей предстоит полная свобода выбора, хлопотливо обсуждает вопрос, годится ли он ей в мужья. Она заставляет отца занервничать Эвансом и в свою очередь с интересом следит за их отношениями. Отец и дочь отлично понимают друг друга и знают, чем пропитаются побойный интерес.

Мистер Райт — живой, энергичный американский деятель. Его суждения о людях очень метки, и он гордо блюдет выгоды компании.

За обеденным столом мистер Райт рассказывает о предстоящей ему интересной встрече: завтра к нему должен явиться торговый представитель правительства СССР. Дело происходит в 1924 году. Свои сведения о большевиках мистер Райт, председатель «Амальгамэйтэд электрик», почерпнул главным образом из «страшных» историй, которые печатались в американских газетах и журналах. Но он понимает, что на территории, занимаемой СССР, где недавно совершился грандиозный переворот, происходит нечто совершенно новое. Он относится к этой стране с любопытством и пытается угадать, что предвещает собой тот человек, который явится к нему завтра в качестве ее представителя. Он говорит о том, что без сомнения советскому правительству нужны товары, но денег у него вероятно нет, а компания, разумеется, не намерена предоставлять кредит большевикам. Он приглашает молодого инженера присутствовать при разговоре.

Проникнувшись интересом, представитель оказывается опытным инженером и очень приятным человеком. Он идеалист по натуре и на все смотрит с точки зрения общественного блага, но он бывал за границей и знает психологию деловых. Он излагает Райту и Эвансу сущность своего предложения: в земных недрах на дне рек его родины таятся обширные залежи золота. Это золото нужно стране, но она не может жалеть, пока оно будет добыто примитивным ручным способом. Ей необходимо современное оборудование, и в уплату за него она предлагает первое золото, добытое с его помощью. Конкретно план таков: «Амальгамэйтэд электрик» строит для СССР большое заводское судно, оборудованное машинами для добычи золота, и доставляет его во Владивосток, откуда уже советское правительство переправляет его в Северную Сибирь, на реку Лену. На этом судне едет в СССР группа американских рабочих и инженеров, и под их руководством производится на месте сборка оборудования. Им назначается соответствующее жалованье, и они руководят работой драги до тех пор, пока не будет добыто количество золота, достаточное для уплаты за всю процедуру, после чего они возвращаются в США и вручают это золото администрации «Амальгамэйтэд электрик».

Сначала это предложение кажется мистеру Райту смешным, но мало-помалу он начинает смотреть на него серьезно. Видимому, золотые россыпи существуют в действительности, и представитель СССР готов дать концерну любые гарантии точного, безотлагательного выполнения всех условий договора.

В конце концов соглашение достигнуто, и договор подписан. Мистер Райт предлагает Джеральду Эвансу руководить этим предприятием. Тот с восторгом соглашается. Вместе со своими помощниками Эванс наблюдает за сооружением драги. Джеральд оказывается читателем способным и добрым молодым человеком, наделенным чувством юмора, но чрезвычайно ограниченным в своих воззрениях. Он далеко от мысли о том, что в системе американской промышленности не все безукоризненно, или что американцы могли бы кое-что позаимствовать из смелого опыта России. В то же время Эванс с большой симпатией относится к тем русским, с которыми ему приходится встречаться, и они тоже любят его, потому что он честен и знает свое дело.

Драга сооружена, и переход во Владивосток совершен. Прошло немногим больше года с тех пор, как войска японских интервентов покинули Сибирь. Железные дороги все еще работают с грехом попом, жизнь еще только налаживается. Джеральд частью через переводчиков, частью при помощи подхваченных на лету русских слов старается вытолковать непонятным людям, как нужно перевозить тяжелые ящики, чтобы не повредить и не растерять оборудования. Он и его соотечественники смотрят на все это, как на забавное приключение, и в своих раз-

говорах подсмеиваются над большевиками и их якобы сумасбродными идеями. Американцы покажут им, как нужно работать, и тогда Советам придется пригласить американских бизнесменов, чтобы с их помощью поставить все на прочную деловую основу (под этим американцы, разумеется, понимают капиталистическую систему, хотя и не произносят этих слов. Они напоминают мольеровского буржуа, который всю свою жизнь говорил прозой, но очень удивился, когда ему об этом сказали).

Экспедиция прибывает на берег Лены. К их приезду ничего не подготовлено. Нужно построить бараки для рабочих. Нужно обеспечить их продовольствием. Нужно разрешить немало задач, а в распоряжении экспедиции имеются только некавалифицированные рабочие с соседних приисков. Кругом саботаж, прелесть, все трудности начальной стадии нового общественного порядка.

На прииск приезжает девушка-коммунистка, которая должна организовать школу и учить грамоте местную детвору. Она не знает английского языка, а американцы не знают русского, но они учатся друг у друга. Девушку зовут товарищ Ваня, она дочь врача, горячо предана делу рабочего класса, неопытна, но полна решимости; видя беспорядок и неразбериху, шарящие кругом, она принимает на себя заботу о том, чтобы все было в порядке. В школе происходит действие романа, — одна из самых холодных на земном шаре, но летом там могут расти кое-какие злаки, и девушка добивается обработки земли и подготовки ее к севу. Она успокаивает недобрых и в конце концов становится главной опорой американцев, которые ропщали, что Москва забыла о них, и со всеми делами обращаются к товарищу Ване.

Для Джеральда Эванса Ваня — совершенно новый тип женщины. Его забывают ее усилия добиться невозможного, ведь он в глубине души твердо уверен в беспредельности принципов коллективизма. Нужно, чтобы был хозяин, и нужно, чтобы он знал, что дело, которым он занят, принесет ему прибыль. Но девушка правит Джеральду, а в Сибири холодно и неприветно, и у них достаточно времени для того, чтобы узнать друг друга. Постепенно они увлекаются друг другом, но любовь не мешает им вести политические споры. По мнению Ваня, Джеральд — заискусный, невежественный и вообще невозможный человек, но в то же время добрый, веселый, милый. Оба они оказались в довольно затруднительном положении и добродушно подсмеиваются друг над другом, хотя и продолжают вести горячие споры. Ваня кажется, что она предает свои коммунистические идеалы, поддвигая мнимому превосходству буржуазного мира. Джеральд думает о высокомерной и расудительной молодой женщине, ожидающей его в Америке. Он знает, что не должен выполнять в фанатичную большевика, которая наверняка сделает его несчастным; но все это не мешает их сближению.

Наконец, после долгих усилий и борьбы удается закончить сборку драги и монтаж всего оборудования. Драга начинает работать, и количество добываемого золота превосходит ожидания. К этому времени и Москва «вспоминала» о прииске, и в последние дни начинают доставлять все необходимое. Железнодорожное сообщение налаживается, а кроме того товарищ Ваня сумела организовать коллективное хозяйство, которое уже сыно кое-какой урожай. Она отлично поставила свою школу, где кроме нее занимаются еще двое или трое учителей. Она сложила саботаж и вредительство. Она не перестает говорить о таких вещах, как белый уголь, сепараторы, тракторы и клуб с патефоном и кинобукой.

Джеральд, помимо воли, вовлекается в круг ее забот и интересов. Он теперь уже понимает по-русски, и они часто просиживают до утра на соборных, где обсуждаются вопросы производства. Он принимает участие в борьбе, которую ведет Ваня, кроме того, он знакомится с новыми политическими идеями, словно вытесняет их в себя. Он сам пока не замечает этого и продолжает думать, что только в Америке умеют по-настоящему работать.

Ваня жлет ребенка, и ее отношение к этому является для Джеральда чем-то совершенно новым и непонятным. Она не требует, чтобы он женился на ней, и не считает себя опозоренной. Она держится с большим достоинством. Он — свободный человек, говорит она, и вне всякого сомнения его место на родине, где его работа может быть более плодотворной. Она знала это с самого начала и ни о каком обмане не может быть и речи. Ей все равно о его девушке в Америке, он ей все рассказал; она считает, что его долг — вернуться в Америку и там решить, которая из двух женщин занимает большее место в его жизни. А у Ваня в Сибири дела много, и она не станет тратить времени на бесплодные сожаления.

Золото отправляется в США в несколько приемов, и каждый раз его сопровождает кто-нибудь из американцев. Русские уже овладели техникой управления драгой, и американцев на прииске остается все меньше и меньше.

Накануне последней отправки золота на прииск прибывает вторая драга: председатель «Амальгамэйтэд электрик», видя, что платежи поступают аккуратно, стал сговорчивее. Джеральд руководит монтажом новой драги. Его пребывание в Советском Союзе затягивается, чрезмерно затягивается, по мнению Лиси Райт. Он ничего не пишет ей о русской девушке, но она начинает догадываться и задает вопросы.

Джеральд возвращается на родину, сопровождая большой груз драгоценной руды, который он доставляет в Сидней для плавки. Затем он едет к своему хозяину, чтобы отчитаться — сначала перед ним, потом перед его дочерью. Он рассказывает Лиси всю правду. Она не возмущается, но обвиняет его в вероломстве, но искусство компромиса есть. Она сдержанна и горда, как всегда, она хочет знать одно —

любит ли еще Джеральд эту чужую девушку-большевику. Она старается уяснить себе, что, собственно, произошло и в какой мере все это отразилось на Джеральде. Она вполне современная женщина и обладает ясным умом; но она придерживается тех социальных взглядов, которые разделял и Джеральд до своего отъезда из Америки. Он же за это время изменился, и его попытки объяснить ей природу происшедших в нем перемен лишь приводят ее к заключению, что он сам стал чем-то вроде большевика. Короче говоря, те самые споры, которые в свое время происходили между Джеральдом и Ваней, теперь повторяются между Джеральдом и Лиси. Только в разговоре с ней Джеральд начинает понимать, какой ересью кажутся его новые чувства и мысли всякому «сто процентному» американцу.

Джеральд доволен, что вернулся к благам и радостям американской цивилизации; но в то же время он чувствует, что ему чего-то не хватает. Люди, с которыми он жил в Сибири, полны энтузиазма. Они работают в постоянном азарте, окрыленные мечтой. Американцы тоже работают много, и им тоже кажется, что у них есть мечта, но эта мечта не слишком реальна. Реальные деньги, которые они получают, а получив эти деньги, они тратят их, как теперь кажется Джеральду, самым бессмысленным образом. Джеральд поощряет вечеринки, где пьют коктейли и ведут пыльные разговоры. Он видит, что с так называемыми приличиями никто больше не считается. Все делается в угоду «моде». В сексуальной жизни царит полная распушенность, и люди все более тяготеют к необходимости скрывать это. Вопли в моту откровенные разговоры о любовных похождениях — своих и чужих. Идет эра «кулиджевского процветания». Джеральд вскоре получает кличку «большевика».

«Амальгамэйтэд электрик» выполняет теперь больше заказы советского правительства и охотно принимает в уплату «красное золото». Джеральду снова представляется возможность поехать в Советский Союз, чтобы руководить монтажом нового оборудования, но Ваня написала ему, что собирается приехать в США в качестве члена комиссии по изучению поставок дела народного образования в Америке. Он решает дожидаться ее, но окончательно сделал выбор в пользу русской девушки, но не хочет расстаться с американской цивилизацией и просит Ваню выйти за него замуж и остаться в Америке. Но Ваня американская цивилизация интересует только с одной точки зрения: изучать все лучшее, что в ней есть, и использовать ее опыт у себя на родине. Она приглашает его приехать в Советский Союз посмотреть на их ребенка.

Ваня уезжает, оставляя Джеральда в нерешительности. В Америке начинается паника; дела «Амальгамэйтэд электрик» идут все хуже, и Джеральд в числе многих других инженеров лишается места. Он поступает на государственную службу и отправляется в Форт-Нокс, в Кентукки, для того, чтобы принять участие в проектировании гигантского хранилища для золотого фонда в несколько миллиардов долларов, который американское правительство скопило и теперь не знает, куда девать. Хранилище должно быть самым надежным в мире и построено на таком стратегическом пункте, куда никогда не проберется враг; ни жара, ни тление не проникнет, ни вор в ночи не прокрадется.

Джеральд задумывается о том, какой странной и нелепой в сущности путь совершил он в его глазах это золото. Оно было извлечено со дна сибирской реки, привезено в Сидней, обработано и очищено, затем перелано в банк, откуда перевезено в казначейство США, а теперь будет снова зарыто в землю в Кентукки. Затрачен огромный труд, а для чего? Не проще ли было оставить это «красное золото» под водами сибирской реки, вместо того чтобы похоронить на другой стороне земного шара? В чем смысл этого долгого пути?

Джеральд сидит у края ямы, в которой должно совершиться погребение, и размышляет о двух женщинах и двух цивилизациях. Он видит, что Америка получила золото, а русские получили машины, не только драги, но и турбины, и динамо, и другое ценное оборудование, которое им доставит многие блага жизни. Он приходит к мысли, что Россия больше выиграла от этой сделки, и задумывается о том, что будет, когда начнется новая война в все золото мира пойдет в уплату за военные материалы. Тогда система коммерческих прибылей позволит остальным державам сыграть с Америкой шутку, запретив обратный ввоз золота и тем обесценить его. Впрочем, быть может, к тому времени химики найдут способ превращать золото в ртуть или какой-нибудь другой полезный продукт.

Такова фабула романа, который я хотел бы написать. Я предлагаю, чтобы советский писатель написал те части, где действие происходит в России, а я — те, которые относятся к Америке.

Я понимаю, что мое предложение довольно оригинально. Опыт такого сотрудничества вызовет вероятно большой интерес как в нашей стране, так и здесь, и книга послужит высокой цели — облегчить взаимное понимание народам, представляющим две в корне различные цивилизации. Я охотно приму любые замечания по существу фабулы или предложения к реализации этого проекта.

С братским приветом,

Эптон Синклер

Эптон Синклер и Генри Форд

Как-то, во время путешествия по Америке, мы с покойным Ильфом Ильфом проезжали через маленький калифорнийский городок Пасадена. Мы знали, что там живет Эптон Синклер, и очень хотели с ним встретиться, но нас предупредили, что он уехал в какой-то штат читать лекции и еще не вернулся.

Мы оставили автомобиль в парке, некоторое время побродили по городу, а потом забрели на спортивное поле, где происходил бейсбольный матч. Публики было мало. На одной из пустых скамеек мы увидели человека, лицо которого показалось нам знакомым.

— Это Синклер, — сказал Ильф, — я узнаю его по фотографии.

Так оно и оказалось. Это был Синклер. Он вернулся из своей поездки накануне, так же как и мы, пошел побродить по городу и случайно заглянул на стадион.

Синклер искренно нам обрадовался. К нашему удивлению, он читал «Золотого теленка», который несколько лет назад вышел в Америке. Но он был рад нам не только как писателям, но и просто как людям из Советского Союза.

Синклер был в сером летнем костюме, кожаных сандалиях, с суковатой нестриженной палкой в руке. Теплый калифорнийский ветерок шевелил его легкие седые волосы. В какой-то степени он напоминал общепринятый американский тип румыного, селоватого и веселого джентльмена, который в определенные часы сидит без пиджака в своей конторе и делает доллары, в определенные часы пьет коктейли и добродушно пошаривает, отшариваясь с молодежью фокстроты. Но достаточно было взглянуть в его глаза — светлые, горючие, я бы сказал сияющие, чтобы стало ясно: это человек мысли и чувства, человек ищущий, страдающий, душевный.

Синклер повел нас к себе, в маленький деревянный дом и там, перед камином, принялся рассказывать о Советском Союзе, о перспективах сатиры как литературного жанра, о советском государстве, о нашей работе. Мы расширяли Синклера о его планах. Он рассказывал нам о своей неудаче на выборах и вдруг, совершенно неожиданно, воскликнул:

— Я читал в «Известиях» статью Радика обо мне. Статья издевательская и грубая. Этот Радик смеет учить меня, как мне жить. Этот Радик...

Синклер был не на шутку рассержен. Потом он улыбнулся и добавил:

— Многие делались для того, чтобы отразить меня от Советского Союза. — Он помолчал. — Но в конце концов я отлично понимаю, что Советский Союз — это одно, а Радик — совсем другое!

Говорилось это в 1935 году. Сейчас, после прощесов право-троцкистских бандитов для нас ясно, какими средствами пытался враг народа, враги человечества оттолкнуть от Советского Союза передовых, прогрессивных людей Европы и Америки. Как хороши эти характерные черты Синклера — его непоколебимая вера в страну социализма, его вера во все хорошее и плохое ко всему дурному — качества, которые свойственны лишь честным и чистым людям.

Потом Синклер расширял нас о путешествии по Америке. Мы рассказали, что побывали в Дирборне и видели Форда.

— Это очень интересная фигура, — сказал Синклер, — когда-нибудь я напишу о нем роман. Вот тут, где мы сейчас сидим, на этом самом месте у камина, лет семнадцать тому назад сидели два моих гостя, два известных всему миру капиталиста — Генри Форд, король автомобилей, и мистер Жиллетт, король бритвы. Это была интереснейшая беседа. Жиллетт носился с мыслью создать нечто вроде корпорации, которая могла бы планировать народное хозяйство, и уговорил Форда возглавить это предприятие. Из этого, конечно, ничего не вышло. Но оба эти капиталиста «стремились», видите ли, ко всеобщему благу и миру. Великолепная тема для романа.

Теперь этот роман написан, переведен на русский язык и напечатан в журнале «Интернациональная литература». И прочесть его, не отрываясь, в один день. Роман называется «Автомобильный король». В нем два героя — Генри Форд и его рабочий Эбер Шатт.

Обоих героев Синклер проводит перед читателем от ранней юности до глубокой старости — задача чрезвычайно трудная для романиста, и делает это умно, правдиво и необыкновенно талантливо. Мало того, автор окружает своих героев большим количеством более или менее значительных действующих лиц, представляющих различные слои общества, и дает влюбав картинку политического и экономического развития Союзных Штатов примерно за сорок лет.

Казалось бы, широта темы и разнообразие задач, которые поставил перед собой романист, должны были потребовать от него целой эпопеи, томя на пять, из привычного нам, увя, расчета — тридцать печатных листов и пять томительных лет на каждый том. Но получилось так, что был написан всего один не слишком длинный роман, написан в синклеровском духе — быстро, энергично и увлекательно. Я сознательно сказал «в синклеровском духе». Его литературная манера вводит публицистику в беллетристическую ткань произведения жлет своего исследователя. Во всяком случае, такая манера — значительное явление в современной литературе, и именно она дала возможность Эптону Синклеру уложить более чем обычный материал в какие-нибудь десять печатных листов.

«Автомобильный король» — образцовый публицистический роман. Он переполнен цифрами и фактами, что не только не уменьшает, но скорее увеличивает интерес к роману. Эти факты и цифры входят в ткань романа с такой же убедительностью и силой, с какой вошли факты и цифры, скажем, в «Испанский дневник» Михаила Кольцова.

— Мама, — сказал маленький Эбер, — а вот один парень с нашей улицы говорит, что он сделал колеску, которая поедет без лошади.

— Он сумасшедший, — сказала мама.

— Он не похож на сумасшедшего, — возразил мальчик. — Он хороший парень».

Так начинается роман «Автомобильный король». Это было в 1892 году на Бегли-стрит, в городе Детройте. Уличные мальчишки, дети рабочих, по целым дням торчали возле сараев, в которых тонколистный мужчина лет двадцати восьми, с волнистыми волосами и проинициальным взглядом, явный чужак, соорудил «колеску, которая поедет без лошади».

Маленький Эбер был прав. Это не был сумасшедший, Генри Форд был действительно хорошим парнем и замечательный механик.

И наступил день, когда странная смешная колеска поехала без лошади.

«Спереди торчала ручка, и чтобы завести мотор, надо было повернуть ее. Сначала мотор начал плевать, потом взорвел, и вся колеска угрожающе затряслась, но она не развалилась, и мистер Форд забрался в нее и поехал. На передке торчала керосиновая лампа и при ее тусклом свете он поехал по улице, мощеной булыжником. Мисис Форд долго стояла под дождем, спрашивая себя, увидит ли она снова своего мужа... Молодой изобретатель пропал надолго и вернулся, подталкивая сади свое сооружение...»

«Я сделал колеску без лошади и она движется! — повторял Генри Форд». «Форд отправился к мэру города за разрешением возить колеску без лошади; некоторое время он мог хвастать, что является единственным шофером Союзных Штатов, имеющим шоферское свидетельство».

Это и вправду был хороший парень. Таким вот хорошим парнем рисует Эптон Синклер Генри Форда. Он говорит о нем иногда очень серьезно, иногда с легкой, почти дружественной иронией, иногда с горечью. Но по мере того, как предприятие Форда разрастается, а капиталы его увеличиваются, «хороший парень» замечает, но неизбежно превращается в одного из самых страшных людей, которых знает мир.

Короткую и блестящую характеристику дает Синклер семье, в которой родился и вырос Эбер Шатт. Собственно, это характеристика миллионов бедных семей в Союзных Штатах.

«Шатты были бедны, но они отнюдь не отчаивались; прежде всего им было гарантировано блаженство на том свете, а кроме того дети учились, и Шатты разделяли веру всех американских семей в то, что младшее поколение выйдет в люди. Америка — страна возможностей, и каждый день в ней происходят удивительные вещи. Самый белый мальчик имеет право стать президентом; кроме этого главного призна, было множество помельче — сенаторы, губернаторы, судьи и все короли, магнаты и прочая промышленная аристократия. Дитя в Америке походило на непрерывную лотерею; каждая женщина, родившая ребенка, пусть даже в грязной трубочке, словно опускает руку в ящик с билетиками и может вынуть ослепительный алмаз».

Маленький Эбер не выпук алмаза, Алмаз вынул Генри Форд. И началась его жизнь, две карьеры, чтобы принести миллиард долларов оному и вечное унижение и нищету — другому.

Эптон Синклер — писатель одной темы. Эта тема — богатство и бедность. И она неслучайна. Собственно, та страсть, с которой Синклер отдал всего себя этой теме, лучше всего говорит о духовной сущности писателя. В какой сказанной им фразе чувствуется горячее волнение автора. Он великом на стороне бедных. И он ищет, ищет без конца. Как помочь им? Как сделать, чтобы они были счастливы? Как добиться справедливости? И он описывает жизнь такой, какова она в действительности. Он ни разу не покривил душой. Эптон Синклер не делает никаких выводов, а просто показывает, как из «хорошего парня» Генри Форд превратился в душевита рабочего класса, то нужны ли выводы? Мне кажется, что не нужны. Нет никакого сомнения, что, прочитав роман, любой рабочий из буржуазного мира сделает свой вывод, и такой вывод, от которого не позориться его хозяину. В общности такому хозяину, как Форд, который лицемерно делает вид, что заботится о рабочих. Роман «Автомобильный король» — это настоящий призыв к действию, особенно сильный тем, что решение предлагается не продиктовано автором, а является естественным путем в сознании самого читателя.

Редация «Интернациональной литературы» почему-то предпослала роману предисловие. То ли это маньяческое стремление прикрепить предисловие к возможно большому количеству художественных произведений, то ли боязь, «как бы чего не вышло», и желание облагодетельствовать Синклера и его советских читателей, — неизвестно. Только предисловие получилось плохое.

«Нам кажется, — пишет неизвестный благодетель Эптона Синклера, — что Эптон Синклер придет слишком большое значение «филантропическим чудачествам» Форда, что одновременно он сам вскрыывает их рекламистскую основу».

Как это прикажете понять? С одной стороны, сам придет слишком большое значение, а с другой стороны, — сам же и вскрывает. Если вскрывает, то значит не приходит, а если приходит, то что же, собственно, вскрывать? От этой болтовни просто тошно становится. Как не стыдно себя подобную оклеветку в таком отличном, интересном журнале, как «Интернациональная литература»!

Но это еще полбеды. Дальше идет довольно презрительное похлопывание Эптоном Синклером по плечу. Касааясь характеристики Форда, благодетель пишет:

«Конечно, по меньшей мере навью расматривать Форда, как «жесту миллиарда долларов».

Я не собираюсь защищать Синклера, так как думаю, что он не нуждается в моей защите. Меня интересует фактиче-

ская сторона дела. Откуда автор предисловия взял, что Синклер рассматривает Форда, как жертву миллиарда долларов? Очевидно из этой фразы:

«Когда он начинал жизнь, у него были высокие идеалы, отзывчивое сердце, решимости сделать свою жизнь значительной; и вот он был миллиардером — и деньги держали его, как палитра держит муху. Самый могущественный человек в мире был бесмоощен в тисках миллиарда долларов. Никогда не думал он был таким, каким сделал его деньги. Они были хозяевами не только его поступков, но и его мыслей, так что Генри не знал, во что он превратился; он был слеп не только к тому, что творилось на его неприятных, но и к тому, что происходило в его душе».

Даже если бы роман состоял только из этой фразы, было бы ясно, что Синклер хочет пойти дальше судьбы одного Форда, что «миллиард долларов» — это символ капитализма вообще. Потому фигура Форда и получилась у Синклера живой и правдивой, что он показал ее в движении, что он доказал, во что превращает и не может не превратить капитализм «хорошего парня». Форд не родился капиталистом, а родился он именно «хорошим парнем», хотя автору предисловия и хочется, чтобы он был «капиталистической акулой» уже с пеленок. Однако, в романе не только эта фраза. Надо уметь читать все произведение, а не отдельные фразы. Все произведение в целом — настоящий обвинительный акт против Форда и против капиталистической системы вообще. Когда в последней главе Синклер описывает расправу с революционерами — сыном Эбера Шатта и его женой Делл, — в то время как почтенные супруги Форд едут со званого обеда, — читателя охватывает чувство ярости против капитализма и против его деятеля — Генри Форда. Вот в чем сила и победа Эптона Синклера-художника. И похлопывание по плечу при этом совершенно неуместно.

Очень часто писателя, написавшего книгу, начинают отождествлять с каким-нибудь из его героев и, вместо того чтобы говорить о написанном произведении, принимают за перемытый косточки самого автора, приписывая ему мысли его героев. Чаще всего это — бессмысленное занятие. Но иногда автор бывает настолько неотделим от своей книги, что, прочитав ее, хочется говорить не только о ее героях, но и о самом авторе. В «Автомобильном короле» Эптон Синклер дает к этому повод. Он описывает, как после войны Генри Форд приехал отдыхать в Калфорнию и там повстречался с «пенни» писателем.

«Писатель этот был идеалист вроде Генри, мечтающий о вечном мире и братстве народов. Он видел насилие в современном мире и ждал еще большего в будущем и искал способа избежать его и убедить людей объединиться ради создания изобилия и безопасности для всех. Он надеялся обратить Генри в свою веру; а поскольку Генри был худощав и длинноног, они часами бродили по холмам Сьерры Малдрн, любясь видом снежных вершин и долины, зеленеющих апельсиновыми рощами, и обсуждая, каким способом можно привести в порядок лабораторию мира».

На какое-то мгновение Синклер отождествляет себя с Фордом («писатель этот был идеалист вроде Генри»). И сейчас же показывает, какой бессмысленной оказалась задача обратить капиталиста в своего веру.

«Но когда писатель заговорил о передаче автомобильной промышленности в руки народа и назначении Генри ее руководителем, промышленник явно забеспокоился»...

Так была уничтожена первая иллюзия. С иронией пишет Синклер о том, как рушились одна иллюзия за другой. Какое там к «орту «братство народов» и «благочеловечества», когда «капиталист-идеалист» не только возражал против всякой общественной коллективной деятельности человечества, но и считал, что даже жарная часть Алтаден (крошечного городка) не должна находиться в общественном владении. Пусть какой-нибудь знающий свое дело предприниматель займется тушением пожаров».

Эптон Синклер провел блестящую параллель между жизнью богача Генри и бедняка Эбера. Хотелось бы провести параллель между жизнью Форда и самого Синклера. После встречи «идеалиста» Форда с идеалистом Синклером утлею много воды. Генри делал свой миллиард и в конце концов превратился в самого свирепого акционерного и подлого покровителя фашистов. Синклер мог бы в своей области тоже стать богачом. Достаточно ему было только немного изменить свою тематику. Но он богачом не стал. Он пошел по линии наибольшего сопротивления. Он отдал свое перо рабочему классу.

Эптому Синклеру исполнилось шестьдесят лет. Он прожил большую жизнь. И вся она была отдана борьбе за лучшее будущее человечества. Он всегда был безупречно честен и искренен перед своими читателями и перед самим собой — и когда писал романы, и когда занимался общественной деятельностью, и когда выступал против войны и фашизма.

В предместьях Парижа состоялся традиционный праздник в честь газеты «Юманите», в котором приняли участие 400 тысяч трудящихся. На празднике выступили Марсель Кашон, Жак Давлю и Андре Марти (Союзфото)

Сергей ПРОКОФЬЕВ

Мои новые работы

Сейчас я пишу музыку к фильму «Александр Невский». Режиссер С. Эйзенштейн не только проявляет большой интерес к музыке своего будущего фильма, но и предъявляет ко мне ряд серьезных требований. После длительных совместных обсуждений я сделал еще в начале лета несколько музыкальных эскизов. Некоторые из них мы записали на ленту, и Эйзенштейн прозвучал с ними отдельные эпизоды, построив их соответственно моему музыкальному оформлению. Таким образом, на первом этапе нашей работы музыка как бы предшествовала режиссерскому воплощению кадра.

Теперь, когда я вернулся из двухнедельной поездки по Баварии, метод нашей совместной работы изменился: я знакомлюсь с эскизами уже кадрами и пишу к ним музыку.

То, что сделал Эйзенштейн, производит на меня чрезвычайно сильное впечатление. Один из самых волнующих моментов картины — бой на льду Чукского озера. На горизонте появляются немцы. Беря огромный вагон, железным клином врываются они в расположение русских войск. Эта атака занимает в фильме целых пять минут — время громадное в условиях кино. Надо было переложить движение войск в музыку так, чтобы она усилила общее впечатление от картины боя, в котором русские сначала принимают удар немцев, затем атакуют их с флангов, наконец гонят крестовников назад, и те проваливаются в лед.

Летовое побоище — центральное событие в фильме. Музыка, иллюстрирующая эти кадры, носит батальный характер.

Музыкальной картинке боя предшествует несколько песен на тексты В. Луговского: о победах Александра на Неве, о защите родины. Под эту песню собирается рать Александра Невского.

В музыкальной характеристике вражеских полчищ — крестоносцев, которые были рыцарями монашеского ордена, я применил мотивы, типичные для католического песнопения, звуки военных немецких рогов — протяжные, неприятные.

Как известно, оркестр, записанный на ленту, звучит несколько иначе, чем в натуре. Если не принять этого во внимание, звучания оркестра могут быть слышно искажены. Если же, напротив, заранее учесть особенности кино, можно найти свежие и интересные музыкальные краски, которых, пожалуй, нет вне звуковой киноаппаратуры. Эти поиски делают особенно интересной работу над музыкой фильма «Александр Невский».

Во время летнего отдыха я подготовил к изданию двенадцать песен на слова советских поэтов и на народные украинские и белорусские тексты. В ближайшем будущем я жду их выхода в свет.

Вместе с Валентином Катаевым мы обдумывали план оперы на сюжет его повести «Я, сын трудового народа».

Написать оперу на современный советский сюжет — задача не легкая. Одно дело, когда заставляешь, скажем, лететь оперные арии героев прошлых веков, людей, которые носят парики, бархатные камзолы, туфли с пряжками. Тогда все условия оперного стиля им представляются особыми трудностями для современного композитора.

Когда же изображаешь в опере героя сегодняшнего дня, нашего человека, говорящего современным языком, чего доброго, пользуешься по ходу действия телефоном и т. д., — на оперной сцене легко поскользнуться и погрешить против художественной правды.

Я долго думал над тем музыкальным стилем, в котором следует писать советскую оперу. Эта задача выпала мне не сразу, с трудом, на протяжении многих лет. Полагаю, что теперь этот стиль мне достаточно ясен.

В повести В. Катаева меня привлекли простота и человечность сюжета, его лирика и юмор и вместе с тем большая драматическая напряженность отдельных положений.

Я обратил внимание В. Катаева на те особенности, которыми непременно должно обладать оперное либретто. Катаев проявил большое понимание оперного стиля и выложил сам написать либретто для нашей оперы. Судя по первому акту, который я от него уже получил, это либретто должно быть интересным.

Кроме того, я возобновил работу над концертом для виолончели с симфоническим оркестром. Литература для этого превосходного инструмента чрезвычайно бедна.

Я задумал виолончельный концерт еще в 1934 году. Но первые эскизы меня не удовлетворили. Естественно и ощущал «швы» между отдельными эпизодами, и не вся музыка была равновесна. После долгого перерыва я совершенно заново переработал концерт, прибавив ряд новых музыкальных кусков.

Партитура концерта почти закончена. Первое исполнение его назначено в ноябре во время Декады советской музыки в Москве.

А. ГУРВИЧ

Два спектакля Харьковского драматического театра

В репертуаре Харьковского государственного театра русской драмы две лучшие советские пьесы последнего сезона — «Профессор Полежаев» Л. Рахманова и «Человек с ружьем» Н. Погодина.

Роль профессора Полежаева успешно играют почти во всех театрах. Это благодарная роль. Но то, что облегчает задачу актеру-режиссеру, приписит самостоятельному художнику только дополнительные трудности. Перед каждым серьезным исполнителем роли Полежаева возникает задача избежать повторений, подражаний. Роль, сыгранную уже умно и ярко, надо играть по-своему, играть так, как будто образ создается впервые. Надо увлечь зрителя настолько, чтобы ему и в голову не пришло никакие сравнения артиста с другими исполнителями этой роли, ни по сходству, ни по контрасту. Такую самостоятельность, насколько не нарушающую «неприкосновенности» образа, созданного автором, проявил народный артист УССР А. Крамов, исполняющий роль профессора Полежаева в Харьковском театре русской драмы.

Отношение публики к Полежаеву-Крамову может быть выражено одним словом: влюбленность.

Небольшого роста, тщедушный старик с бесильно опущенной левой рукой, он вносит в зрительный зал бодрость и мозговой зазор. Крамов особенно остро чувствует и передает удовлетворенное сложившиеся профессора или, вернее, тот majorный подъем, который рождает в его душе революция.

Профессор хорошо знает, что свобода, за которую борется на улицах города вооруженный народ, включает и его свободу — свободу истинной науки. И это ощущение делает для него революцию близкой и родной.

Таков основной тон игры Крамова. Когда к профессору является для обыска матрос Куприянов с рабочими и солдатами, он встречает их не только без всякого беспокойства, но, — что больше всего видно в игре Крамова, — и с чрезвычайным любопытством. Во время обыска профессор топчется, вертится среди неожиданных гостей и как бы выражается на знакомство с ними. Он испытывает большой интерес и большое доверие к этим людям, пришедшим его обыскать, и если бы не сдержанность и отчужденность их поведения, он сразу же забыл бы, зачем они пришли.

В трактовке Крамова профессор Полежаев с первого взгляда может показаться человеком, на которого измена «друзей», бойкот, объявленный ему учеными, и направленная против него кампания реакционной печати не производят никакого впечатления. Заголовок враждебной статьи «Профессор-шпион» он выкрикивает несколько раз с шутливой беззаботностью.

Но в действительности это лишь показное равнодушие. Полежаев охвачен и опьянен возмущением, но вместе с тем его старость — беспокойная старость, он глубоко переживает разочарование в людях своего круга. На него, прозванного «сильное впечатление» измена Воробьева. Профессор скрывает свои переживания, он как бы отталкивает, отбрасывает и вымучивает их, но они остаются в его душе глубокий след. Эту напряженность чувств профессора Крамов раскрывает неожиданно и сильно. В день своего 75-летия, брошенный коллегами Полежаев остается один с женой. Но вот в дверях отвергнутой бойкотуемой квартиры появляется вернувшийся с фронтов революции любимый ученик профессора большевик Бочаров. Большой награды нельзя было и ждать. В двери к профессору вошла с улыбки большая дружеская сила. И эта радость оказывается для затравленного и долго крещеного старика непосильной. Потрясенный и ослабленный ею, он протягивает к Бочарову руки и падает, лишившись сознания.

Смело и своеобразно показанная Крамовым реакция Полежаева на появление Бочарова нуждается, как нам кажется, в большей психологической подготовке. По видимому, актеру нужно найти какие-то мимолетные, но остающиеся в памяти движения, которые еще до прихода Бочарова показали бы, что скрытность переживаний и независимость Полежаева обходится ему не так уж дешево.

Есть в игре Крамова интересные детали. Доплет Воробьев «испуган» приглаше-

нием матросов прочесть им лекцию на корабле. Он саботирует революцию. Профессор Полежаев мгновенно решает пойти на корабль вместо Воробьева. Он возмущен и оскорблен поведением своего учителя. Выйдя из моря, он хватается за голову, видимо, слишком больше, вытаскивает в них газетные обрывки, и на ходу заколачивает ногу в галюзи, выбегает из дома. Публика смеется и аплодирует артисту, который сумел в этой «бытовой» детали прекрасно выразить и свое стремление скорее попасть на корабль и свое раздражение Воробьевым.

День рождения Полежаева, Мария Львовна играет на роле его любимой романс. Профессор один сидит за длинным праздничным столом. Он вынимает пирожок, зажигает спичку и в этот момент вспоминает о зажатых, подаренной им матросом, Полежаев гасит спичку, вынимает зажатую и, закурился, торжественно и горю несет горящую зажатку к Марье Львовне.

Крамов нашел очень хороший тон — серьезный, простой и вместе с тем взволнованный для разговора Полежаева с Лениным по телефону. Возмущение Полежаева передано настолько искренно и правдиво, что зритель живо ощущает присутствие невидимого, находящегося на другом конце провода великого человека, поздней ночью подумавшего о беспокойной старости ученого.

На следующем спектакле харьковского театра «Человек с ружьем» мы увидели образ этого человека на сцене. И Ленина играет Крамов.

Но если в «Профессоре Полежаеве» нам на мгновение представлялся духовный облик Ленина (Ленин думающий и чувствующий), то в «Человеке с ружьем» усилия Крамова свелись к внешнему, физическому перевоплощению. Как и большинство известных исполнителей роли Ленина, Крамов добился значительного сходства. Он нашел нужный грим, усвоил походку Ленина, отдельные характерные позы, жесты, манеру речи. Но так и кажется, что артист боится потерять это сходство, боится потерять собранные им внешние портретные особенности Ленина и поэтому усиливает и заостряет их. Эта связанность и напряженность лишает актера того чувства свободы и спокойствия, которые необходимы для тонкой и выразительной игры. Ленин в исполнении Крамова быстро двигается, говорит отрывисто, законнично, почти скороговоркой. При каждой встрече он ведет себя так, точно все его существо уже устремлено к следующей предстоящей встрече с другими людьми. В результате характеристика Ленина получается не столь глубокая, сколь динамическая. Мы видим Ленина «на ходу», запытым, энергичным, быстрым в решениях и в ответах. Но мы не чувствуем за его решениями рождения мысли, умения слушать, той исключительной восприимчивости, которую проявлял Ленин в беседах с людьми из народа.

Погоди впоследствии дополнил пьесу новой сценой. Ленин показан ночью, в своем рабочем кабинете, один из протяженных всей пьесы. Если исключить телефонный разговор, эта сцена — пантомимическая. Ленин ходит по кабинету, о чем-то думает, раскладывает свое пальто на диване, намереваясь отдохнуть, что-то вспоминает, возвращается к столу и проводит бессонную ночь. Таким образом, наряду с Лениным, показанным «на ходу», мы видим Ленина сосредоточенного. Но эта сцена абстрактна. Сосредоточенность и напряженная озабоченность здесь лишены конкретной содержания. Автор не раскрывает перед нами мысли и чувств волею революции, волнующих его именно в эту ночь. Он только показывает нам, как выглядит Ленин, когда он остается наедине со своими мыслями. Иллюстративная сцена эта может быть включена в любую пьесу о Ленине, как отдельный кадр. Она не рождена предшествующими сценами и сама, в свою очередь, не определяет дальнейшего течения пьесы.

На спектаклях харьковского театра мы подумали о МХАТ. Почему до сих пор Московский Художественный театр «не заказал» с Н. Погодиным? Почему пьеса Рахманова миновала лучший наш театр, для которого она и по своим идеям и по стилю как будто специально создана?

Евг. БЕРМОНТ

У ГОЛЫБЕЛИ НОВОГО ТЕАТРА

15 ноября в Москве должен открыться театр миниатюр. Этому веселому и славному жанру у нас давно не повезло. Достаточно вспомнить, что после театра обозрений, закрывающегося семь лет назад, столица не имела ни одного, так сказать, «мелкокадрированного» эрцидного предприятия.

Конечно, вива тут главным образом прежнего руководства Комитета по делам искусств. При нем театры, как известно, сливались, развалились, распыливались, но не создавались. Правда, были причины и творческого характера, которые привели к крушению ряд «миниатюрных» предприятий.

Об этом нелишне напомнить сейчас создателям нового театра. Когда возникла идея очередного веселого предприятия, тотчас же всплыла фамилия какого-нибудь маститого алхимика «малых форм».

Аргументация в защиту оной кандидатуры не отличалась многословностью: Помилуйте, кого же еще звать, как не Давид Григорьевича! Он же из «Летучей мыши»!

Или: — Ну, Николай Васильевич по этой части мастак! Помните «Балаганчик».... Или: — Да ведь он же из «Кривого зеркала», из «Косого Джинна», из «Хромого Джо»...

И вот приглашенный алхимик вынимал из кармана ветхие рецензии и принимался за восходящую коллекцию старых штампов, напоминая у него за 25 лет. На первом спектакле знатки и старожилы обещали смущенно смилословиться.

— Странно... В 1914 году это имело огромный успех... Эх, актеры не те... Вторая премьера проходила пол года раньше всей прессы. Третья... Но третьей обычно не бывало, так как театр тихо угасал при являвшемся параличах казны и общего художественного худосочия... Реставрация старых образов ничего не...

Нужно не твердить залы, а изобретать свое. Творить, а не кощарить. Помнить, что тридцать восьмой год — это не четырнадцатый, и «Гастроли Рычалова» — это не волнующая «алоба ля»... К чему приползет эта вечная оглядка на собственное прошлое, видно на примере Утесова и его летнего кораблекрушения. Вельт-тот Утесов, который два месяца лавал со своей фанерой аскарой в гостеприимных водах ЦКА, это много — будем уже пользоваться привычной для Утесова корабельной терминологией! — много морских узлов веза в пучину «Нитяного» и других миниатюр...

Некоторые опасение внушает название нового театра «Театр эстрады и миниатюр». Надо думать, что это не прерывает в некое подобие зимнего Эрмитажа, в еше один коммерческий пункт, куда эстрадные мэтры будут забегать по пути с сельской «калтурны» на восьмью.

Художественным руководителем нового театра является В. Тилот. В труппу приглашен ряд интересных актеров: Рина Зеленова, Нурм, Тенин, Данилевский и другие. Но лицо этого театра, конечно, определят драматургия. И тут главное — помнить, что миниатюра — это определенное калибра, но не качества.

Короче, кто не хуже. Веселей, но не глупей. Острой, но не пошлей. Авторам театра недостает стать тот унылый малоформист, портфель которого всегда набит скатками, кулечками и «хохочками».

В Катаев, М. Зощенко, Л. Славян, Н. Погодин, К. Фляп, В. Арлов, Г. Рыклин, В. Шкваркин, С. Кирсанов, С. Михалков — Л. Ленч — вот какие литераторы должны определять эстраду нового театра... И к ним-то надо обратиться с призывом: — Если наши «веселые писатели» хотят, чтобы молодой театр стал значительным советского искусства миниатюр, то они должны стать его действительными участниками, авторами, творцами и энтузиастами, а не скептически посетителями премьер!..

ПРИЗНАКИ ОСЕНИ...

Рис. А. Каневского

С. Г. БИРМАН, заслуженная артистка РСФСР

Из книги «Рождение спектакля»

РАБОТА ЗА СТОЛОМ: ЧИТКА ПЬЕСЫ

Поэзия та же добыча радия, в грамм добыча, в год труды. Маяковский.

По театру носится слух, что предлагается новая пьеса. Слышим в первый раз название. Оно волнует.

— Из какой жизни? — Из такой-то, — отвечают те, кто почему-либо знает пьесу.

— Много ролей? — Да, порядочно. — Мужских или женских? — Представьте, женских. — Какого возраста? — Каких по внешности? — Кто они? — Чем занимаются?

— Вот погодите, скоро узнаете. Воображение что-то рисует, хотя рисовать как будто и нечего. Жизнь. Когда читка пьесы? Роль? Образ? Новый. Еще неведомый, но такой желанный уже.

Самые разнообразные мысли сменяют друг друга. Будет ли новая пьеса полезна театру? Привнесет ли она успех? Привнесет ли сборы? Выявит ли новых актеров?

Мысли несутся — строгие, частые, хитрые, корыстные... И мысли-бессребренники. Кто-то из московских авторов как то разделял театры на производственные и художественные: производственные — интересуются только производством, а художественные — только «художеством». Думаю, что оба эти понятия связаны неразрывно.

Так вот — настает день; в театр приходит автор читать пьесу. Ожидания авторов не оправдались — пьеса оказалась неудачной. Автор добросовестно дочитывает ее до конца; актеры выло откладывают по-

ложенное число раз, произносят несколько уклончивых слов и расходятся. Но бывает иначе: какое-то слово, какая-то интонация автора, какое-то спелое положение в пьесе увлекает слушателей. В комнате становится хорошо; глаза поблескивают — если в пьесе грустно или затежательно; если пьеса веселая, в комнате (в большинстве случаев чтение происходит в репетиционной) звучит хороший смех, иногда его покрывают взрывы аплодисментов. Это приветствуют «нашу» пьесу, которая пойдет в «нашем» театре. В ожидании будущего спектакля пьесу переживают, но ведь это люди... это увлечение. Итак, пьеса принята. Художественное руководство распределяет роли. Вопрос о правдивости и надежных руках! Как это важно и для будущего спектакля и для исполнителей! Но как бы там ни было, на доске висит распределение ролей. У кого слышны актеры. Сколько роли, счастливых от предвкушения работы, сколько печальных из-за того, что ее не будет. Тот недоволен ролью — она маленькая, та расстроена: она, та, что в пьесе, пожилая, а я еще молодая, зачем это мне? Играть старуху? Мне еще рано.

Первые дни после распределения ролей — «смутные» дни. Страсти полнаются, хлопочут. Люди хотят работать, двигаться, заниматься разнообразными стремлениями: от чрезмерно развитого честолюбия до законнического у нас в стране права художника на труд, на творческие волнения, желания, на творческую радость.

Вторая читка пьесы. Приходит уже меньше народу. Занятые а пьесе за еще присматривающиеся к той или иной роли, да еще «бездумны». Есть такие люди. Они присматривают все репетиции просто из любо-

ви к театру или к отдельным людям театра. Это особые зрители. Репетирующие привыкают к ним — к зрителям черновы набросков, считающимся с мнениями смотрящих, извлекают из их впечатлений большую пользу.

Вторая читка пьесы. На этот раз пьесу читает уже не автор, а режиссер или кто-нибудь из актеров. Вторая читка не похожа на первую. В первую читку мы слушали пьесу и непосредственно как зрители — правится она нам или нет — и как члены театрального коллектива репели, ползала ли она нам, стоит ли ее вкочить в репертуар театра.

А вторая читка — совсем другое дело: мы пьесу взяли. Мы — исполнители будущего спектакля. Из пьесы мы должны сделать спектакль. Не опираться хорошего автора или помочь автору еще неопытному. Мы внимательно изучаем материал пьесы. Вот где требуется близость. Важный актер изучает пьесу, именно пьесу, а не роль. Это первое условие. Первое правило работы.

Изучая, понимаем всю пьесу, а не в отдельности свою роль. Кстати сказать, наши актеры в большинстве повали и признают это правило. Они знают, что, изучая пьесу, они и часть будут знать лучше, т. е. будут лучше знать свою роль. Социальное отношение к труду укрепляется в нас. Единичники в искусстве ликвидируются теплым самым живым. Выбирая репертуар, мы руководствуемся общественной ценностью пьесы. Это совсем не значит, что можно пренебрегать творческой выгодой той или иной от отдельного актера. Нет, роль актера — это прибыль в творческом хозяйстве данного театра и в театральном хозяйстве всей страны. Дело лишь в умелом сочетании

интересов театра и отдельного актера. Талант единичного или коллективного художественного руководства в том и заключается, чтобы пьеса, включенная в репертуар театра, способствовала росту, поступательному движению как всего театра, так и отдельных его актеров. Без осуществительства, без кумовства, надо вести дело так, чтобы каждый актер данного театра мог сказать: я живу как нельзя лучше; моя способность к производству духовных богатств использована максимально, мой труд делает меня счастливым.

Великая сила нашей страны именно в том, что много в ней людей говорят: мы счастливы. Театр берет от драматурга пьесу и в два-три месяца должен из пьесы сделать спектакль. Драматург «затевает», замыслив будущий спектакль. Театр осуществляет замысел драматурга и свой собственный замысел будущего спектакля. Театр приводит замысел в исполнение.

Балзак считает, что у искусства два полушария: Замысел и Выполнение. Они отделены друг от друга, по его мнению, неизменяемыми пространствами. «Думать, мечтать, замысливать прекрасные произведения, — пишет Балзак, — пленительное занятие. Это все равно, что курить чарующие сигары, что вести жизнь куртизанки, занятой своими фантазиями. Творение является тогда во всей прелесть детства, во всей безумной радости рождения, с благоухающими красками пьетки и с живыми соками плода, испробованного заранее. Таков творческий Замысел и его удовлетворение. Тот, кто может словом образовать свой план, считается уже человеком незаурядным. Этой способностью обладают все художники и писатели. Но создавать все художники и писатели. Но создавать во ролях на свет; но старательно выводить ребенка, всякий вечер укладывая его, попоив молоко, всякое утро обмывать его с неистощимой материнской любовью, обмывать его, грязного, но сто раз переделывая его в самые красивые платяна, которые он бесстрастно берет, но не отворачивая от сузорог этой шальной жизни, а уметь превратить ее в живой шедевр, который говорит всем взором — в скульптуре, всем умом — в литературе, всем воспоминанием — в живописи, всем сердцем — в музыке, — вот в чем заключается Выплетение и Труд, связанный с ним».

Наша задача — сократить пространства, разделяющие Замысел и Выплетение. Наша задача — найти между ними прямую как кратчайшее расстояние между двумя точками.

Вторая читка не обязательно должна быть закончена в день. Пьесу могут читать и три, и четыре, и больше дней. Ее читают с остановками. Уже не в одной фазе дело. С пьесой восторженно знакомится Ее оптимизируют. Научают ее топографию. Где вершина пьесы? где понижение? где равнины? где горы? холмы? Изучают автора. Что он хотел сказать в этом месте? Зачем он вывел этот персонаж? Зачем дал ей это слово? Зачем написал ему такой поступок? Какой идеей проникнута вся пьеса? Какую боевую задачу выполняет она? Вооружена ли пьеса художественно, или беспомощно и бесцельно обнажена голая тенденция? В этот период ознакомления с пьесой крайне полезно, чтобы актеры сделали два-три доклада о пьесе, об авторе, о вопросах, задаваемых пьесой. Актер ведь по-своему понимает автора. Непосредственная близость актера с автором дает актеру особое, яркое и верное представление.

Самое главное пьесы должно влиять на поход к пьесе, чтобы потом, из готового спектакля как бы неизбежно вытекало, вытекает. Показателем такой эпохи.

В одном из театров ставили пьесу «Правда — хорошо, а счастье лучше». На просмотр спектакля пришел Е. С. Стагиславский. В результате просмотра он обратился к участникам спектакля и спросил: «Где «правда»? где «счастье»? Где «счастье» и где «лучше»?». Надо так работать над спектаклем, чтобы ответить содержанию спектакля каждому зрителю на его вопрос о названии пьесы. Даже лучше, чтобы зритель и не пришлось задавать этого вопроса.

Если первые дни держится азарт увлечения и новизны, то он может рассеяться в дальнейшей. Что же удержит любовь театра к пьесе? Достоинства автора, неуязвимые и упрямые, или же стойкость и изобретательность театра, могущего расшить красивыми узорами капю автора?

Лучше, чтобы пьеса для театра была «верным другом», чем «ветренным любовником». Меньше измен. Раз она писательница-драматург дала мне прочесть свою пьесу и летнюю пачку рекомендаций в ней. «А где ставят вашу пьесу?» — «Нигде... Но вы прочтите рекомендации. Какие похвалы, какие мне комплименты». — «Не сердитесь на меня, но эти похвалы и комплименты напоминают мне комплименты флиртующих людей: они безответственны. Когда жеяются, выбирают себе жену осомтрительно. Ведь каждый предполагает, что женится наодного. Вот почему и театр долго выбирает пьесу, а выбор, вглядывается в нее: как она — не лживы ли ее достоинства, не опрометчив ли выбор? Опасения заменяются восторженными радостями: нет, нет, пьеса хороша, она не выдлет — союз будет прочным».

Изучив материал, данный автором, театр начинает обдумывать покроя будущего спектакля. Покрыю безусловно исходит из материала пьесы. Серьезное и влечетивное одеяние — для трагедии, легкие, прозрачные одеяла — для комедии.

Режиссер и актеры как бы берут в руки волнилки и делют всю пьесу и каждый ее отдельный акт на куски.

...Пьесу начинают читать по ролям. Для того, чтобы верно продеять эту часть работы над пьесой, актеру надо сочетать способность мыслить и способность чувствовать.

Умное сердце и сердечный ум будут служить компасом в новом, еще не изученном, не исследованном мире пьесы...

1863 г.

«Повести в повести» Н. Г. Чернышевского

75 лет назад, 19 сентября 1863 г. Н. Г. Чернышевский начал писать роман «Повести в повести».

По форме роман Чернышевского чрезвычайно оригинален. Он представляет собой сборник приключений перелетающих повестей, рассказов, стихотворений и притч.

Совершенно готовая к печати рукопись романа, подготовленная Чернышевским для отправки в редакцию «Современника», была запрещена третьим отделением и под стражей секретом хранилась в его архиве вплоть до революции.

1841 г.

Ф. М. Решетников

17 сентября 1841 г. родился Федор Михайлович Решетников, получивший широкую известность как автор этнографического очерка из жизни бурлаков «Подлиповцы».

Посылая рукопись «Подлиповцев» Некрасову, Решетников писал ему: «Я задумал написать бурлацкую повесть о пельгох сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам».

«Можно с полной достоверностью предположить, — пишет биограф Решетникова (Н. Веккер), — что образы бурлаков в некрасовской повести «На Волге» вырваны из мысли Решетникова к какому-либо бурлаку».

В специальной литературе время от времени появлялись очерки и статьи о русском бурлацестве, но авторы их никогда не поднимали вопроса о бурлаках до уровня социальной проблемы, никогда не говорили о «простом, бедном человеке».

Появление «Подлиповцев» вызвало целый ряд критических статей и послужило поводом для столкновения двух лагерей литературы — революционно-демократического и реакционного.

«Подлиповцы» были первой книгой Решетникова, вышедшей в 1867 г. в отдельном издании. По просьбе издателя С. В. Бонярева Решетников написал для газетного объявления о выходе книги аннотацию, в которой, кратко излагая содержание очерка, подчеркивал его правдивость, говоря, что картины бурлацкой жизни изображены им «во всей их нагот».

ПУТЕШЕСТВИЕ РАДИШЕВА

В Ленгослитиздате в новом издании печатается «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Вступительная статья к книге написана В. А. Десницким.

Новые программы по литературе для средней школы

Советская школа до последнего времени, по существу, не имела программы по литературе.

Тощая брошюрка, переиздававшаяся с небольшими изменениями в течение ряда лет и, по недоразумению, называвшаяся программой, на самом деле была своеобразным каталогом названий и имен, зачастую переправных и искаженных. Эта программа узаконила вреднейший разрыв между изученным языком и литературой в средней школе, в ней отсутствовал целый ряд тем; в частности, из прежней программы выпала вся древняя литература, чрезвычайно убого было представлено в ней устное народное творчество, и слова не говорилось о творчестве Ломоносова, Карамзина, Гречина и ряда других писателей. Полностью выпала из старой программы западноевропейская литература, не было даже попытки установить связь между литературой русской и иностранной, не раскрывалось международное значение творчества наших классиков и крупнейших современных писателей.

Прежняя программа ничего не знала о учителе и в методическом отношении; в ней не было даже толковой объяснительной записки, как не было, например, и пропущенного рекомендательного списка произведений для внеклассного чтения; программа эта создавалась кабинетным путем, людьми, не знавшими нужды школы и не желавшими считаться с опытом лучшей части учителей.

Перед составителями новых программ стояла особая ответственная задача: они должны были создать документ большой важности, который находился бы на уровне тех требований, которые страна предъявляет школе. Составители программ пошли по правильному пути: еще весной проект программы был обдуман с московским учительством. Учителя внесли в программу много существенных поправок и замечаний. Не прошла бесследно для составителей программы и критика существующих учебников по литературе, разрозненная вашей печатью, в частности «Литературной газетой».

Каковы основные достоинства новой программы по литературе? Прежде всего, программа покаялась с тем несильным положением, при котором школьники 5—7-х классов, подростки 12—14 лет, читали курс истории русской литературы. Ничего путного такой «курса», естественно, дать не мог, ибо он порождал только верогадность и поверхностное, легкомысленное отношение к предмету, толкал на путь упрощенчества и вульгаризации.

Считаясь с возрастными особенностями детей, новая программа устанавливает для учащихся 5—7-х классов курс «литературного чтения». Место отведенного и пустого теоретизирования, засущивающего произведение, занимает теперь вдумчивое чтение, цель которого — на материале художественной литературы развить художественный вкус учащихся, обогатить их память знанием содержания лучших образцов нашей литературы. Правильно поставленный курс литературного чтения поможет развитию творческого воображения учащихся, поднимет культуру устной и письменной речи, научит учащихся бережному отношению со словом. Курс литературного чтения в 5—7-х классах поочередно с вреднейшим разрывом между изучением языка и литературы; учащиеся, работая в течение 3 лет под руководством учителя над художественными текстами, получают в сознательном освоении систематического курса истории литературы в старших (8—10) классах.

Украинские писатели на могиле Т. Г. Шевченко. На фото: писатели гг. Д. Гофштейн, Е. Фомин, А. Корнейчук, народный комиссар просвещения УССР тов. Хоменко, А. Угаров, В. Кондратенко, И. Ле. В. Собко, Н. Рыбак, В. Кучер, П. Серверов, Л. Прицкер, С. Гордеев, К. Гера Сименко, Р. Скомороховский, В. Минко, А. Десняк, А. Малышко, Н. Шпак, Л. Смутько, Е. Кротевич, С. Воскресасенко, Ю. Мокриев, Х. Гильдин, А. Шпани, Л. Дмитре рко

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

— Башкирский молодой писатель Язид Киекбаев написал новую повесть о колхозной жизни — «Родные». Отрывок из этой повести под названием «Караи Елга» (Река Караи) напечатала центральная газета республики «Кызыл Башкундастан».

— Народный поэт Туркменистана Ата-Салих сложил на оборонную тему новое стихотворение «Все мы». Стихотворение напечатано в центральной республиканской газете «Совет Туркменистана».

— Туркменстанский поэт А. Аманов написал стихотворение «Родина», в котором рассказывает, как в прошлом угнетенный туркменский народ под руководством великого вождя народов товарища Сталина построил счастливую, радостную жизнь. Стихотворение помещено в газете «Совет Туркменистана».

— «Советская литература» — литературно-художественный ежемесячный журнал Туркменистана. В нем вышел пятый номер. В журнале богато представлен художественный отдел: напечатаны стихотворения, поэмы и рассказы народных поэтов Дурды Кылы, Ата Салиха и других. Журнал начал печататься в переводе Берди Султанашиязова сказки «Тысячи и одной ночи».

— Башкирский молодой поэт Мостай Кярим написал стихотворение «Намус» (Честь). Содержание стихотворения: предание комсомольцев делу партии Ленина—Сталина. Стихотворение напечатано в газете «Кызыл Башкундастан».

— Организация Азербайджана готовится отметить в декабре текущего года 125-летний юбилей со дня рождения классика азербайджанской литературы, драматурга, философа Мирза Фетх-Али Ахундова.

Музей истории народов Азербайджана собрал около 600 подлинных рукописей и писем драматурга, его личную библиотеку и большое количество документов, связанных с его жизнью и деятельностью.

15 художников участвуют в конкурсе, организованном Управлением по делам искусства при Совнаркоме АССР, на лучший портрет Мирза Фетх-Али Ахундова. Молодые скульпторы гг. Кар-ялы Юсуфов и Клянтин работают над созданием бюста философа.

800-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА НИЗЯМИИ

В 1941 г. азербайджанский народ готовится отметить 800-летие со дня рождения великого азербайджанского поэта Низямии Ганджеви.

Этому поэту, жившему в XII веке, принадлежат прекрасные поэмы «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Искендер-наме» (об Александре Македонском) и др.

Руководящие организации Азербайджана привлекают к подготовке юбилей Институт востоковедения Академии наук, ученых, художников, поэтов. Вчера в институте востоковедения состоялось совещание, которое признало необходимым объявить конкурс на памятник великому поэту, реставрировать могилу его, находящуюся в трех километрах от Кировабада, и использовать сюжет одной из поэм для юбилейного кинофильма.

«СПУТНИКИ» РОМАН РОЛЛАНА

В Гослитиздате вышла новая книга Романа Роллана — «Спутники». Книга составлена из статей, появившихся в разное время; некоторые из них отделены друг от друга промежутками в 20, 30 и более лет.

«Предлагаемая читателю книга очерков сложилась не до заранее задуманному плану. Эти очерки рождались от случая к случаю, в разные моменты жизни. И все же все они связаны глубоким единством одной основной линии» (Р. Роллан. Введение).

Сборник открывают статьи «Яд идеализма», опубликованной еще в 1906 г. Затем идут: очерки — «Шекспир», статья о «Уагшигелете», Гете, Ренане, Гюго и Толстом. Завершается книга статьями: «Ленин. Искусство и действие». В приложении приносятся письмо Толстого Роману Роллану и письмо Романа Роллана Эрсту Ренану.

ПО ГАЗЕТНЫМ СТОЛЦАМ

* ИК ЛКСМУ одобрил инициативу писателя Донбасса об издании сборника к 20-летию комсомола. В сборнике будут напечатаны рассказы, очерки и стихи о лучших комсомольцах, передовых людях Донбасса, их работе и борьбе на всех участках социалистического строительства. Сборник выйдет в издательстве «Молодой большевик». («Комсомолец Донбасса»).

* Ленинградское отделение ГИХЛ выпускает в ближайшее время книгу Анри Барбюса, в которой будут собраны все произведения писателя о войне. Сюда войдут первые выходящие на русском языке «Письма с фронта», «В огне» и «Яеность» будут даны в новом переводе («Ленинградская правда»).

* По инициативе гурауфских колхозников Совнарком Крымской АССР открыл в Гурауфе музей А. С. Пушкина в доме, где поэт жил в 1820 г. За первый год существования музея его посетило около 100 экскурсий и побывало около 5 тысяч человек. («Красный Крым»).

* В Саратовской областной библиотеке организована выставка книг Гете, вышедших за последние 65—70 лет. На витринах выставки, организованной в связи с 189-й годовщиной рождения величайшего поэта, произведения которого на его родине фашисты предают огню, наряду с книгами помещены плакаты с высказываниями Ленина и Горького о Гете. («Коммунист»).

* В Дзержинске, Горьковской области, после летнего перерыва возобновили работу литературный кружок при редакции «Дзержинца». Кружок посылает своих представителей на областные совещания руководящей литературы, которые созываются в середине сентября советом писателей Горьковской области и редакции «Горьковский коммунист» («Дзержинец»).

* На очередном заседании президиума союза советских писателей Грузии ответственным секретарем союза избран единственно пост-односенный Ило Мосашвили («Вечерний Тбилиси»).

* В издательстве «Федерация» вышел на грузинском языке одиотомный избранных стихов Рейне в переводе поэта Х. Варлопшвили. В книгу вошли следующие книги: 1) Юношеские страдания, 2) Лирическое интермеццо, 3) Снова на родине, 4) Путешествие на Гарп, 5) Новая весна, 6) Романы, 7) Современные стихотворения, 8) Разные стихотворения и 9) На поэмы «Германия». Зимняя сказка («Заря Востока»).

СПЕКУЛЯНТЫ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Не знаем, как в Москве, а в Горьком до сих пор имя писателя А. Шипова не пользовалось особой популярностью. Но, очевидно, в связи с тем, что финансовая база этого писателя сильно пошатнулась, он задался поэтом И. Дорониным, решил поехать на «котлежне помислы», избрав местом своих литературных гастролей такой крупный промышленный и культурный центр, как город Горький.

Вот уже более 10 дней московские гости пребывают здесь, обивая пороги клубов, салонов, обкомов, профессиональных союзов и т. д. Они предлагают свои услуги: «Может провести литературный вечер».

Программа вечера проста: Шипов делает доклад о советской литературе, а Доронин читает свои стихи. Все это продолжается около двух часов и заканчивается получением пятисот рублей! Такую сумму получили Шипов и Доронин с обкомом союза промкооперации, с дома культуры им. Сталина, которая организовала их выступления перед трудящимися Сормовского района и других. Железнодорожникам московские гости сделали скидку, ваяв только триста рублей.

Писатель решил заняться и культурным обслуживанием детей. Они пришли в областной Дворец пионеров и школьников и рьяно заявили о своем желании откликнуться на призы ЦК ВЛКСМ о помощи детям, отдыхающим в городе и в лагерях. Во Дворце пионеров были очень благодарны этим предложением. Но хорошие настроения быстро пропало, когда т. Шипов и Доронин потребовали за одно выступление во Дворце стандартную сумму — пятисот рублей!

Мы напомним, что московские организаторы писателей заявляют о предоставлении спонс «представителей» в г. Горьком. Кстати, Шипов поехал на несколько дней в Москву, оставив одного И. Доронина продолжать бесконечную серию «литературных вечеров».

г. Горький. АРК. ЛИТВИН.

Чревоващатель Ваттемар

Среди альбомных записей Пушкина есть запись, сделанная на французском языке в альбом чревоващателя А. Ваттемара: «Имя вам — Легнон, ибо вы — множество, 16 июня ст. ст. 1834 г., С-Петербург, А. Пушкин».

В комментариях к этой записи сообщается, что Александр Ваттемар — знаменитый в свое время французский актер-трансформатор, чревоващатель и мимик, что в своих артистических турах по Европе он приобрел широкую известность, что в 1834 г. он, приехав на гастроли в Петербург, познакомился с Пушкиным, который и сделал приведенную запись в его альбоме, украшенном автографами многих европейских знаменитостей.

В одном из писем к жене Пушкин писал, что Ваттемар его «смешал до слез». По рассказам П. И. Каратыгина, видевшего представления этого актера, он обладал необыкновенным даром трансформации. «В небольших пьесах, нарочно для него написанных, А. Ваттемар, один, являлся в нескольких ролях: старуху, знатного барина, глупого лакея, охотника и изменяя лицо, как и самый голос, Убегая за дверь, он мгновенно возвращался в другом костюме, с совершенно иным лицом и голосом. Неподражаемо выходила у него сцена, в которой барин бранится со слугою, запятым в ларь и сияющим из него вылезти».

Когда Ваттемар задумал дать несколько представлений в Москве, он прислал к Пушкину с просьбой о рекомендательном письме. Поэт исполнил просьбу чревоващателя и написал М. Н. Загоскину, директору московских театров, охарактеризовав артиста как «очень замечательное лицо или даже лица».

Однако нигде в пушкиноведческой литературе не отмечено, что имя знаменитого чревоващателя связано с миром книг, с историей библиотечного дела в Европе и Америке.

Военный врач по образованию, Ваттемар любил посещать музеи и библиотеки. Эти посещения привели его к заключению, что нет ни одной библиотеки, в которой бы все отделе были представлены с одинаковой полнотой и что в то же время везде имеются дублеты — те лишние экземпляры, которых нехватает в другом месте. Ваттемар загорелся мыслью установить

между библиотеками обмен дублетными экземплярами. С проектом международного обмена книгами Ваттемар ознакомил целый ряд государственных библиотек. Отправившись в 1834 г. в Россию, Ваттемар, помимо своих артистических выступлений, имел целью ознакомиться с дублетными фондами Публичной библиотеки в Петербурге и получить согласие русского правительства на участие в международном обмене.

В 1835 г. Ваттемар представил французской палате депутатов доклад о количестве дублетов, имеющихся в крупнейших библиотеках Европы: в Мюнхене — 200 тысяч, в Вене — 120 тыс., в Петербурге — 54 тыс., в Вене — 30 тысяч. Палата рассмотрела доклад Ваттемара и его проект о международном обмене в 1836 г. и передала его в министерство народного просвещения, где он остался без движения. Тем временем библиотеки Австрии, Пруссии и Англии успели обогатиться с помощью обмена.

Видя равнодушие Парижа, Ваттемар предпринял поездку в Американские Соединенные Штаты, где идея его имела успех. В 1840 г. в конгрессе был принят билль об обмене дублетами и правительственными изданиями с другими странами. Из Америки Ваттемар вернулся с большим запасом книг, переданных ему равными учреждениями для распределения во Франции. Тем не менее новый доклад, представленный Ваттемаром французским палатом в 1842 г., не дал никакого результата. Только через пять лет в смету министерства народного просвещения была внесена сумма в три тысячи франков для нужд международного обмена. В этом же году неумолимо плетное международное обмена культурными ценностями отвалился в Нью-Йорк, веза с собой из Франции 61 ящик книг для раздачи американским библиотекам.

В 1848 г. Национальное собрание исключило из сметы сумму, ассигнованную на расходы по международному обмену. Идея Ваттемара для Франции на время заглохла, но не ушла широко использовались другие страны. Только в 1867 г. Франция приняла к международному обмену, которую билль был закреплен конвенцией на всемирной выставке в Париже.

В 1848 г. Национальное собрание исключило из сметы сумму, ассигнованную на расходы по международному обмену. Идея Ваттемара для Франции на время заглохла, но не ушла широко использовались другие страны. Только в 1867 г. Франция приняла к международному обмену, которую билль был закреплен конвенцией на всемирной выставке в Париже.

Н. АШУКИН

Книжная хроника

— В издательстве орловского обкома ВКП(б) выходит серия брошюр «Города Орловской области». В редакцию поступили следующие книги этой серии: В. Петрищев — Брянск, Вас. Петрищев — Обновленный город Дятьково и Н. Собанин — Орджоникидзеград. Содержание последней брошюры — отрывок из недавнего прошлого. Поселок «Убоинино» Революционная борьба в Бежице. Завод «Красный Профинтерн», Орджоникидзеград.

— В Киеве в издательстве «Державне литература видвидавництво» вышли книги: Вирган—Щастя—Доля, Стихи. В этой книге стихов три отдела — поэзия, главы из поэмы «Джигити» и переводы классиков (Пушкина, Лермонтова и Некрасова).

Микопа Бажан, Баткий сини, поэма. Содержание поэмы — рассказ о луганском рабочем Петре Цупове, погибшем в бою в 1919 г. под Харьковом. Его пять сыновей участвовали в гражданской войне, и трое из них погибли в боях.

— В Челябинском областном издательстве вышел сборник рассказов, составленный В. Поповым, — «Тайна уральских гор». В книге — рассказы Юза, по названию которого озаглавлена книга, И. Куншта—Восхождение на Таганай, С. Ляличин—Ползание Робинзона и Чортов провал и В. Малькова—Записки туриста. Весь сборник посвящен путешествиям по области, предпринятым с исследовательской целью.

В том же издательстве выходит «Литературный альманах Южного Урала». В альманахе пять разделов — 1) стихи, 2) художественная проза, 3) воспоминания и записки рассказов рабочих, 4) стихи и проза для детей и 5) литература и критика.

Третья книга альманаха, вышедшая в августе, содержит стихи, художественную прозу, очерки и библиографию. Эта небольшая книжка дает 10 маленьких рассказов: гражданская война на Урале, рас-

сказы о шахтерах и граверах, колхозниках и милиционерах. В очерках даются портреты лучших людей Урала.

В ДЕТИЗДАТЕ ВЫШЛИ

— «Подвиг Андрея Коробичина» — повесть М. Слоновского о партизанах. Книга иллюстрирована и оформлена художником О. Вейдским. Тираж — 25000 экземпляров. Цена 1 р. 75 коп.

— «Лисичка со скалочкой» — русская народная сказка. Иллюстрации художника К. Кузнецова. Книга вышла в серии «Для мальчишек» тиражом 500 тысяч. Цена 30 коп.

— «О храбром пограничнике Карацопе и об Индусе, его умной собаке» — рассказ Г. Рыклина вышел на молдаво-молдовском языке. Перевод И. Сидорова. Иллюстрации художника П. Соколова-Скала. Тираж 5000. Цена 40 коп.

— «Червене-Лгушка» — сказка А. Афанасьева вышла на лугово-восточном марийском языке в переводе А. Азенворта. Сказка вышла в серии «Книга за книгой» с иллюстрациями Р. Эппле. Тираж 3000. Цена 30 коп.

— «Дядя Коля, Мухомор» — рассказ Л. Касьяна издан на кара-калпакском языке в переводе С. Хамидуллиной, с рисунками С. Бом. Серия «Книга за книгой». Тираж 5000. Цена 30 коп.

— «Встречи с товарищем Сталиным» Г. Балдукова, его же «Через понос в Америку» и книга А. Лапидевского «Челюскинцы» издаются национальным сектором Детиздата на 6 языках: якутском, кара-калпакском, горно-марийском, восточно-марийском, молдаво-молдовском и эрзя-мордовском.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

СПЕКУЛЯНТЫ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Не знаем, как в Москве, а в Горьком до сих пор имя писателя А. Шипова не пользовалось особой популярностью. Но, очевидно, в связи с тем, что финансовая база этого писателя сильно пошатнулась, он задался поэтом И. Дорониным, решил поехать на «котлежне помислы», избрав местом своих литературных гастролей такой крупный промышленный и культурный центр, как город Горький.

Вот уже более 10 дней московские гости пребывают здесь, обивая пороги клубов, салонов, обкомов, профессиональных союзов и т. д. Они предлагают свои услуги: «Может провести литературный вечер».

Программа вечера проста: Шипов делает доклад о советской литературе, а Доронин читает свои стихи. Все это продолжается около двух часов и заканчивается получением пятисот рублей! Такую сумму получили Шипов и Доронин с обкомом союза промкооперации, с дома культуры им. Сталина, которая организовала их выступления перед трудящимися Сормовского района и других. Железнодорожникам московские гости сделали скидку, ваяв только триста рублей.

Писатель решил заняться и культурным обслуживанием детей. Они пришли в областной Дворец пионеров и школьников и рьяно заявили о своем желании откликнуться на призы ЦК ВЛКСМ о помощи детям, отдыхающим в городе и в лагерях. Во Дворце пионеров были очень благодарны этим предложением. Но хорошие настроения быстро пропало, когда т. Шипов и Доронин потребовали за одно выступление во Дворце стандартную сумму — пятисот рублей!

Мы напомним, что московские организаторы писателей заявляют о предоставлении спонс «представителей» в г. Горьком. Кстати, Шипов поехал на несколько дней в Москву, оставив одного И. Доронина продолжать бесконечную серию «литературных вечеров».

г. Горький. АРК. ЛИТВИН.

СПЕКУЛЯНТЫ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Не знаем, как в Москве, а в Горьком до сих пор имя писателя А. Шипова не пользовалось особой популярностью. Но, очевидно, в связи с тем, что финансовая база этого писателя сильно пошатнулась, он задался поэтом И. Дорониным, решил поехать на «котлежне помислы», избрав местом своих литературных гастролей такой крупный промышленный и культурный центр, как город Горький.

Вот уже более 10 дней московские гости пребывают здесь, обивая пороги клубов, салонов, обкомов, профессиональных союзов и т. д. Они предлагают свои услуги: «Может провести литературный вечер».

Программа вечера проста: Шипов делает доклад о советской литературе, а Доронин читает свои стихи. Все это продолжается около двух часов и заканчивается получением пятисот рублей! Такую сумму получили Шипов и Доронин с обкомом союза промкооперации, с дома культуры им. Сталина, которая организовала их выступления перед трудящимися Сормовского района и других. Железнодорожникам московские гости сделали скидку, ваяв только триста рублей.

Писатель решил заняться и культурным обслуживанием детей. Они пришли в областной Дворец пионеров и школьников и рьяно заявили о своем желании откликнуться на призы ЦК ВЛКСМ о помощи детям, отдыхающим в городе и в лагерях. Во Дворце пионеров были очень благодарны этим предложением. Но хорошие настроения быстро пропало, когда т. Шипов и Доронин потребовали за одно выступление во Дворце стандартную сумму — пятисот рублей!

Мы напомним, что московские организаторы писателей заявляют о предоставлении спонс «представителей» в г. Горьком. Кстати, Шипов поехал на несколько дней в Москву, оставив одного И. Доронина продолжать бесконечную серию «литературных вечеров».

г. Горький. АРК. ЛИТВИН.